

9256

БИБЛІОТЕКА ГРАЖДАНИНА

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ

О ВОЙНѢ.

К-ВО „ОГНИ“

ПЕТРОГРАДЪ

1917

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

О В О Й Н Ъ.

Дом Плеханова
2406

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Предисловіе.

Эта книжка составлена изъ одной брошюры и одной статьи. И та и другая имѣла свою судьбу. Читатель сейчасъ увидить, что авторъ не преувеличиваетъ, говоря это.

Какъ брошюра, такъ и статья были написаны мною за границей: первая—осенью 1914 г., вторая—весною 1915 г. Печатались обѣ онѣ въ Парижѣ, гдѣ военная цензура не оставляла очень широкаго простора для полета революціонной мысли. И все-таки она позволила мнѣ высказать такіа соображенія о внутреннемъ бытѣ Россіи, которыя не могли имѣть мѣста въ печатныхъ произведеніяхъ, выходившихъ тогда въ Россіи.

Появившись во Франціи, мои письма о войнѣ *) были перепечатаны въ Россіи съ довольно большими

*) И статья и брошюра написаны въ формѣ письма.

вырѣзками. Послѣ революціи, когда со стороны цензуры уже не было препятствій для полного выраженія моихъ взглядовъ, явилось препятствіе съ другой стороны: въ редакціи «Современнаго Міра», гдѣ первоначально были напечатаны мои письма, утраченъ былъ ихъ болѣе свободный, заграничный текстъ.

Возвращаясь въ Россію изъ многолѣтняго изгнанія, я тоже не захватилъ съ собою этого текста, какъ и вообще не захватилъ даже незначительной части моей библіотеки. На это была та простая, но вполне достаточная причина, что я ѣхалъ при совершенно исключительныхъ и очень мало удобныхъ условіяхъ: не черезъ Германію, а черезъ смерть,—чтобъ употребить здѣсь извѣстное выраженіе В. Н. Фигнеръ. Благодаря всему этому, я лишенъ возможности возстановить въ предлагаемомъ изданіи первоначальный текстъ моихъ писемъ о войнѣ. Это тѣмъ болѣе досадно для меня, что русская цензура довольно сильно поработала надъ стираніемъ красокъ съ моихъ мыслей. Вотъ примѣръ, на который я усердно обращаю вниманіе читателей.

На страницахъ 41—42 настоящаго изданія говорится: «есть много поводовъ думать, что тѣ обстоятельства, при которыхъ ведется Россіей нынѣшняя война, въ случаѣ удачнаго ея окончанія, не приведутъ даже и къ непродолжительному упроченію реакціи».

Въ заграничномъ изданіи, — котораго, какъ я сказалъ, у меня нѣтъ подъ рукой,—эта мысль была довольно подробно развита мною. Я говорилъ тамъ, что, къ сожалѣнію, Россіи нельзя будетъ, благодаря полной негодности ея правительства, избѣжать весьма серьезныхъ неудачъ въ войнѣ съ Германіей. Но я прибавлялъ къ этому, что неизбежныя неудачи наши станутъ будить политическую мысль русскаго населенія и послужатъ въ его глазахъ новымъ доказательствомъ несостоятельности царизма.

Когда по широкому лицу русской земли, писалъ я, быстрой волной разольется вѣсть о пораженіяхъ, наносимыхъ намъ Германіей, тогда противъ нынѣшняго нашего политическаго порядка обратятся даже тѣ, которые теперь, по той или другой причинѣ, продолжаютъ съ нимъ мириться. Не лишенная интереса подробность: говоря о томъ, что нашими военными силами командуютъ подчасъ генералы, до сихъ поръ отличавшіеся только въ карательныхъ экспедиціяхъ, я назвалъ Рененкампа. Извѣстно, какъ послужилъ впоследствии родинѣ сей бравый генералъ. Вообще я имѣю полное право сказать, что мысль объ освободительномъ для Россіи значеніи оборонительной войны, нынѣ ею ведомой, впервые высказанная мною въ воспроизводимой здѣсь брошюрѣ, цѣликомъ оправдалась послѣдующими событіями. Та же самая мысль не разъ повторялась мною въ статьяхъ, написанныхъ

для «Призыва» *). Тѣмъ досаднѣе мнѣ, что я не могу воспроизвести ее здѣсь въ тѣхъ выраженіяхъ, въ которыхъ она была высказана мною первоначально.

Дальше. Въ печатаемой здѣсь статьѣ, — «Еще о войнѣ», — она составляетъ вторую половину предлагаемой книжки, — цензура тоже сдѣлала много поправокъ. Кое-что восстановлено мною въ первоначальномъ видѣ, а кое-что я и восстановить не могъ. Но иногда въ этомъ и не было большой надобности, потому что, несмотря на пропускъ, мысль моя осталась ясной для читателя и все свелось къ отдѣльнымъ выраженіямъ, теперь позабытымъ мною. Именно по этой послѣдней причинѣ я оставилъ незаполненной довольно большой цензурный пропускъ на стр. 59. Мысль, высказанная тамъ, достаточно понятна.

Это, конечно, не существенно... Гораздо важнѣе вотъ что. На указанной страницѣ (65) я говорю, что только рекомендованная Марксомъ внѣшняя политика пролетаріата можетъ привести къ воплощенію въ жизнь знаменитаго нравственнаго закона Канта. По этому поводу нѣкоторые наши мудрецы упрекали

*) Та же мысль легла въ основу манифеста къ русскому народу, написаннаго мною по порученію группы товарищей (соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ), составившихъ редакцію «Призыва».

меня въ томъ, что я вернулся на точку зрѣнія Канта и «пересталъ быть марксистомъ». Это свидѣтельствуетъ лишь о крайнемъ невѣжествѣ моихъ критиковъ. Только въ «Капиталѣ» Маркса получили окончательное развитіе и обоснованіе нѣкоторые экономическія понятія, высказанныя еще Рикардо. Я говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ. Но, говоря это, я не перестаю оставаться марксистомъ и вовсе не возвращаюсь на точку зрѣнія Рикардо. Казалось бы, что даже десятилѣтній ребенокъ способенъ понять это.

Указанный мною нравственный законъ Канта гласитъ: «Во всемъ твореніи все, что угодно и для чего угодно, имѣетъ значеніе *только какъ средство*; но человѣкъ... есть цѣль въ себѣ самомъ». Одинъ глубокомысленный критикъ писалъ, что если пролетаріатъ захочетъ руководиться этимъ закономъ, то онъ долженъ будетъ разсматривать и буржуазію, какъ самоцѣль. Отвѣтить на это не трудно.

Въ этомъ выраженіи буржуазія разсматривается, конечно, какъ носительница извѣстнаго капиталистическаго способа производства. Но при капиталистическомъ способѣ производства большинство населенія фигурируетъ не какъ самоцѣль, а именно только какъ средство. Поэтому отрицаніе капитализма есть отрицаніе отрицанія, утверждающее человѣка, какъ самоцѣль. «Недостатокъ діалектики виденъ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ», — воскликнулъ Марксъ по поводу

одного возраженія, выдвинутого противъ его пониманія оборонительной войны.

«Недостатокъ діалектики» сквозить во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, повторялъ я, читая возраженія моихъ критиковъ.

Царское Село,

10 мая, 1917.

I.

Санъ-Ремо, 27 октября (нов. стиля) 1914 г.

... Вы слышали *), что, по моему мнѣнію, всѣ славяне должны въ настоящее время стать на сторону Россійской имперіи. Вы хотите знать, правда ли это, и вы полагаете, что мой отвѣтъ будетъ важенъ для всѣхъ славянъ. Это послѣднее обстоятельство очень лестно для меня. Но я считаю себя обязаннымъ замѣтить, что я не заслужилъ такого большого вниманія со стороны славянскаго міра.

Самъ будучи славяниномъ, я всегда интересовался жизнью славянъ и всегда очень сочувствовалъ имъ въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя выпадали на ихъ долю. Но я не только славянинъ. Я, — кромѣ того, — социаль-демократъ школы Маркса-Энгельса. Извѣстно, что социаль-демократы этой школы смотрятъ на общественныя явленія не съ точки зрѣнія племени или національности, а съ точки зрѣнія класса. И какъ ни сильно впечатлѣніе, произведенное на меня нынѣшней войною, — я не могу покинуть привычную для меня классовую точку зрѣнія.

*) Изъ письма къ болгарскому социалисту.

Съ вами, какъ и со всякимъ другимъ славяниномъ, я готовъ разсуждать о задачахъ переживаемого нами историческаго момента лишь при томъ условіи, что вы будете придерживаться той же классовой точки зрѣнія, т. е. точки зрѣнія международнаго пролетаріата.

До сихъ поръ отношеніе этого класса къ войнѣ было вполне опредѣленно. Сознательный международный пролетаріатъ выступалъ самымъ рѣшительнымъ ея противникомъ, и каждый разъ, когда на политическомъ небосклонѣ Европы собирались военныя тучи, онъ готовился къ болѣе или менѣе рѣшительному протесту. Вы знаете, что въ авангардѣ международной арміи пролетаріата шла нѣмецкая социаль-демократія. Всѣ мы, социаль-демократы другихъ странъ, гордились ея успѣхами, всѣ мы возлагали на нее самыя большія надежды. Мы были твердо увѣрены въ томъ, что уже одно ея существованіе представляетъ собой надежнѣйшую гарантію прочности международнаго мира. Когда насъ спрашивали, что именно сдѣлаетъ германская социаль-демократія въ томъ случаѣ, если миръ будетъ нарушенъ, лично я всегда отвѣчалъ, что это будетъ зависѣть отъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ вспыхнетъ война, но что уже теперь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію одно: германская социаль-демократія останется вѣрной своей природѣ...

До самаго конца іюля нынѣшняго года эта моя увѣренность оставалась непоколебимой. Я съ восторгомъ читалъ передовыя статьи централь-

наго органа германской социаль-демократіи, направленные противъ политики германскаго канцлера. Въ этихъ статьяхъ доказывалось, что именно эта политика грозитъ привести къ войнѣ, такъ какъ именно Берлинъ продиктовалъ вѣнскому правительству тотъ ультиматумъ, котораго Сербія никакъ не могла принять, если не хотѣла отказаться отъ своей независимости. Въ нихъ доказывалось также, что Россія не можетъ не поддерживать Сербіи, если не хочетъ потерять всякое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Но публицисты германской буржуазіи уже тогда разсуждали совершенно иначе: они уже тогда были ослѣплены шовинизмомъ, котораго оставались совершенно чужды публицисты социаль-демократіи. Эти послѣдніе смѣло выполняли тогда свою обязанность пролетаріевъ, стоящихъ на международной точкѣ зрѣнія. Послѣдовательные до конца, они возставали противъ своей собственной страны, когда она готовилась совершить несправедливое дѣйствіе.

Вы знаете, что въ концѣ іюля въ Брюсселѣ состоялся съѣздъ международнаго социалистическаго бюро, сопровождавшійся большимъ международнымъ митингомъ противъ войны. Въ рѣчи, произнесенной на этомъ митингѣ, представитель германской социаль-демократіи, т. Гаазе, весьма прозрачно намекнулъ, что война можетъ послужить поводомъ для активнаго выступленія нѣмецкаго пролетаріата. Дѣлая этотъ ясный намекъ, онъ тоже остался вѣрнымъ своему

направленію... Борясь съ германскимъ милитаризмомъ, нѣмецкіе социаль-демократы всегда держались правила: „Keinen Mann! Keinen Groschen!“. Естественно было ожидать, что въ тотъ моментъ, когда, благодаря усиліямъ нѣмецкихъ имперіалистовъ, война изъ опасной возможности превратится въ страшную дѣйствительность, нѣмецкіе социаль-демократы не только откажутся поддержать ее хотя бы однимъ человѣкомъ или однимъ грошемъ, но такъ или иначе двинуть противъ партіи имперіалистовъ всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы. Но, увы! Произошло не то.

Въ историческомъ засѣданіи рейхстага, состоявшемся 4 августа, тотъ же т. Гаазе заявилъ, что социаль-демократическая фракція будетъ голосовать за военный кредитъ и вообще принять дѣятельное участіе въ войнѣ. Заявивъ это, онъ выразилъ ту надежду, что поведение его партіи будетъ одобрено Интернаціоналомъ, который всегда признавалъ право каждого народа на независимое существованіе. Я не повѣрилъ буржуазному „Le Temps“, въ которомъ я впервые прочелъ объ этомъ заявленіи Гаазе. Я говорилъ себѣ: „если германская социаль-демократія такъ кстати вспомнила то положеніе Интернаціонала, что каждый народъ имѣетъ право на существованіе, то она не могла забыть, что Германія начала войну циничнымъ нарушеніемъ нейтралитета Люксембурга и Бельгіи“.

Сослаться на то, что каждый народъ имѣетъ право на самоопредѣленіе и въ то же время

умолчать о Люксембургѣ и Бельгіи, значило погрѣшнить тѣмъ, что французы называютъ „une tartufferie“. Вы сами прекрасно понимаете, до какой степени не пристала роль Тартюфа представителямъ пролетаріата. Я увѣренъ, что для васъ заявленіе т. Гаазе было такъ же неожиданно, какъ и для меня, и что на васъ, какъ и на меня, оно произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Но дѣло не кончилось этой tartufferie. Тотъ же самый „Vorwärts“, который такъ убѣдительно доказывалъ въ концѣ іюля, что отвѣтственность за приближавшуюся войну цѣликомъ падаетъ на германскую дипломатію, взялъ совершенно другой тонъ, какъ только война была объявлена, и заговорилъ языкомъ вульгарнаго патріотизма. Съ горестнымъ удивленіемъ читалъ я на его столбцахъ сообщенія о геройскихъ подвигахъ венгерскихъ гонимыхъ и другія имъ подобныя. Разъ заговоривъ въ такомъ тонѣ, центральный органъ германской партіи пересталъ быть опаснымъ для нѣмецкаго имперіализма.

Вспомните, что въ 1870 г. Бебель и Либкнехтъ воздерживались при голосованіи военнаго кредита, хотя считали Францію нападающей страной. Бебель говорилъ въ послѣдствіи, что онъ и Либкнехтъ голосовали бы противъ кредита, если бы не были введены въ заблужденіе Бисмаркомъ, фальсифицировавшимъ извѣстную эмсскую депешу. Отсюда видно, что тогдашнее поведение германской партіи не похоже на ея нынѣшнее поведение. Чѣмъ объясняется эта

разница? Нѣмецкіе товарищи отвѣчаютъ, что они не могли не поддержать борьбу съ русской реакціей. Но... отвѣтъ ли это, полно?

Союзъ Франціи съ Россіей ни для кого не былъ тайной почти съ самаго своего возникновенія. Если германскіе социаль-демократы признавали нужнымъ поддерживать войну съ Россіей, то они тѣмъ самымъ принимали рѣшеніе воевать и съ республиканской Франціей. А разъ это было такъ, то т. Гаазе обязанъ былъ торжественно довести это до свѣдѣнія всего Интернаціонала на засѣданіи междуна-роднаго бюро и на международномъ митингѣ въ Брюсселѣ. Исполнилъ ли онъ эту обязанность? Нѣтъ. Напротивъ, въ рѣчи, произнесенной имъ на митингѣ, онъ грозилъ нѣмецкому правительству активнымъ протестомъ. Что же это такое?

А международные социалистическіе съезды! Принимавшіе въ нихъ участіе представители германской социаль-демократіи тоже, разумеется, знали о существованіи франко-русскаго союза; тѣмъ не менѣе, они никогда ни однимъ словомъ не намекнули на то, что война противъ Россіи,—а, стало быть, и противъ Франціи,—встрѣтитъ поддержку съ ихъ стороны. Хотя они и не рѣшались принять исходившее чаще всего отъ французовъ предложеніе о томъ, чтобы международный пролетаріатъ отвѣтилъ на объявленіе войны массовой стачкой, однако, они давали понять, что военныя дѣйствія не только не будутъ поддержаны ими, но, напротивъ,

побудятъ ихъ къ опаснымъ для германскаго правительства выступленіямъ. Въ Штутгартѣ они чувствовали себя глубоко обиженными, когда Гюставъ Эрве заподозрилъ ихъ въ томъ, что они не рѣшались оказать сколько-нибудь серьезное сопротивленіе политикѣ крови и желѣза. Неужели нѣмецкіе участники социаль-демократическихъ международныхъ съѣздовъ были неискренни? Неужели они, на самомъ дѣлѣ, не обижались на подозрѣніе, высказанное Гюставомъ Эрве, а только считали нужнымъ принять видъ людей, обиженныхъ имъ?

Подобныя предположенія кажутся мнѣ совершенно немислимыми. Мы не имѣемъ никакого права предполагать, что германскіе товарищи лицемерно вели себя на международныхъ съѣздахъ. Но, если это такъ, то чѣмъ же объясняется ихъ нынѣшнее поведеніе?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я попрошу васъ принять въ соображеніе, что странно бороться съ реакціей посредствомъ германскаго империализма. Германскій империализмъ заинтересованъ не въ устраненіи и разрушеніи политической отсталости сосѣднихъ странъ, а въ ея упроченіи. На Мангеймскомъ съѣздѣ германской социаль-демократіи, какъ извѣстно, даже поднимался вопросъ о томъ, что должны будутъ предпринять наши нѣмецкіе товарищи, если германскій императоръ двинетъ свою армію на борьбу съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ. Правда, съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились въ томъ смыслѣ, что

у насъ на время восторжествовало „успокоеніе“. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что нѣмецкій императоръ, такъ энергично поддерживавшій политику „успокоенія“ въ 1905—1907 годахъ, ополчился на борьбу съ нею въ 1914 г. Совершенно наоборотъ. Если бы побѣда расширила вліяніе нѣмецкаго императора на наши дѣла, то замедленіе политическаго развитія Россіи, а слѣдовательно, и ослабленіе ея оборонительныхъ силъ было бы въ интересахъ его, какъ представителя германскаго милитаризма.

Или, можетъ быть, нѣмецкіе товарищи вдругъ почувствовали страхъ при мысли о томъ, что побѣда Россіи сдѣлаетъ русскую реакцію вершителемъ политическихъ судебъ всей Западной Европы? Но совершенно ясно, что германскій милитаризмъ несравненно опаснѣе для всей Западной Европы, нежели милитаризмъ російскій, такъ какъ матеріальныя силы, находящіяся въ распоряженіи перваго, несравненно значительнѣе, нежели тѣ силы, которыми располагаетъ второй. Для капиталистической Европы безвозвратно миновало то время, когда политическая гегемонія могла принадлежать въ ней экономически отсталой странѣ.

Это должны были понимать нѣмецкіе товарищи. Не страхъ передъ русскою реакціей заставилъ ихъ измѣнить традиціямъ Бебеля и Либкнехта, а скорѣе страхъ передъ своими собственными избирателями.

При объявленіи войны населеніе Германской имперіи пережило припадокъ шовинизма, въ

виду котораго наши нѣмецкіе товарищи сочли нужнымъ кореннымъ образомъ измѣнить свою тактику. По всему видно, что они разсуждали такъ: „въ настоящее время высказаться противъ войны значитъ ослабить свое вліяніе въ странѣ, а, ослабивъ его, мы рискуемъ получить на слѣдующихъ выборахъ не четыре съ четвертью милліона голосовъ, а, можетъ быть, только два или полтора, или и того менѣе. Лучше голосовать за военные кредиты, нежели пережить подобное уменьшеніе числа голосовъ“.

Къ этому соображенію объ исходѣ будущихъ выборовъ прибавилось, вѣроятно, опасеніе того, что военный угаръ распространился и на организованный пролетаріатъ, т. е. на членовъ ихъ собственной партіи и ихъ профессиональных союзовъ. Чтобы избѣжать столкновеній и раскола въ своихъ организаціяхъ, германскіе социаль-демократы рѣшили лучше пожертвовать своей старой тактикой и пойти за нѣмецкимъ милитаризмомъ въ его будто бы „оборонительной“ войнѣ съ Франціей и Россіей, въ той оборонительной войнѣ, наступательный характеръ которой былъ заранѣе и такъ хорошо разоблаченъ въ центральномъ органѣ германской социаль-демократической партіи.

Конечно, это было совершенно оппортунистическое рѣшеніе. Но въ томъ-то и дѣло, что нынѣшнее поведеніе германской социаль-демократіи представляетъ собою величайшее торжество того оппортунизма, который уже съ конца прошлаго столѣтія „пересматриваетъ“ („реви-

зуеть“) ученіе Маркса и Энгельса. „Пересмотръ“ начался съ теоретическихъ основъ этого ученія, а закончился отверженіемъ вытекавшихъ изъ нихъ практическихъ выводовъ. Это было вполне естественно и неизбежно.

Слѣпы были тѣ наши товарищи разныхъ странъ, которые воображали, что можно держаться выводовъ даннаго ученія, отвергнувъ его послылки.

Чтобы вы не заподозрили меня въ преувеличеніи, я приведу вамъ примѣръ. Вы знаете, что одинъ изъ самыхъ видныхъ германскихъ ревизионистовъ, Людвигъ Франкъ, поступилъ добровольцемъ въ германскую армію и погибъ въ одномъ изъ ея отрядовъ во время нашествія на французскую территорію. Что же побудило его принять участіе въ этомъ нашествіи? Его другъ, А. Зюдекумъ, отвѣчаетъ на это такъ. Франкъ рѣшительно отвергалъ то мнѣніе, будто побѣдоносная война явится несчастьемъ для нѣмецкаго народа. Онъ утверждалъ, что, наоборотъ, она дастъ чрезвычайно сильный толчокъ прогрессивному развитію Германіи. Историческое засѣданіе 4-го августа,—то самое засѣданіе, которое внесло такъ много тяжелаго смущенія въ ряды международныхъ социалистовъ,—представлялось ему точкой благодѣтельнаго поворота во внутренней политикѣ Германіи. Онъ говорилъ, что, конечно, экономическая противоположность между рабочими и предпринимателями не исчезнетъ благодаря войнѣ. Однако, та геройская

солидарность, которая объединитъ весь народъ на полѣ битвы, передъ лицомъ непріятеля, устранить многія безобразія прежнихъ отношеній и возрѣній. Уже теперь само собою разумѣется, что массы приобретутъ политическое равноправіе (напр., въ Пруссіи). Улучшеніе матеріальнаго положенія малосостоятельныхъ и совсѣмъ несостоятельныхъ слоевъ станетъ настойчивой обязанностью общества по отношенію къ своимъ спасителямъ (sic!). Организованный рабочій классъ приобрететъ большое вліяніе на законодательство и управленіе страной. Безчисленные задачи, которыя вырастутъ передъ нѣмецкимъ народомъ послѣ побѣдоносной войны, откроютъ широкій просторъ его силамъ, прежде не находившимъ себѣ приложенія. И тогда увидятъ, на что способны нѣмецкіе рабочіе и нѣмецкіе социаль-демократы.

Соблазнительная перспектива! Когда одинъ изъ товарищей Франка замѣтилъ ему, что въ этомъ отрадномъ будущемъ понадобится также его совѣтъ и его сила, и что ему не слѣдовало рисковать своей жизнью, онъ возразилъ, что долженъ же кто-нибудь пожертвовать собою для начала дѣла (См. статью А. Зюдекума: „Л. Франкъ“ въ журналѣ *Marx* отъ 3-го октября 1914).

Нельзя не признать, что въ поведеніи Франка было очень много самоотверженія. Но чѣмъ больше самоотверженія обнаружилъ онъ, тѣмъ сильнѣе приходится сожалѣть о томъ, что путь, избранный въ данномъ случаѣ этимъ самоотверженнымъ человѣкомъ, не имѣлъ ничего об-

цаго съ тѣмъ, по которому шла до сихъ поръ и должна была всегда идти марксистская практика.

До сихъ поръ, по мнѣнію марксистовъ, точкой поворота въ исторіи цивилизованнаго чело-вѣчества должна была явиться замѣна капиталистическаго производства — социалистическимъ. Франкъ совершенно справедливо находилъ, что подобная замѣна не можетъ быть слѣдствіемъ побѣды Германіи надъ ея нынѣшними противниками. Но онъ готовъ былъ удовольствоваться несравненно меньшимъ. Та новая эра, которая, какъ онъ думалъ, должна наступить послѣ побѣдоносной войны, характеризуется у него устраненіемъ не капитализма, а только извѣстныхъ его безобразій,—онъ говоритъ собственно: „многихъ шлаковъ и ржавчины“, выросшихъ на капиталистической почвѣ. Такъ какъ останется капитализмъ, то останется и эксплуатація одного класса другимъ. Но, несмотря на это, взаимныя отношенія между классами будутъ развиваться въ духѣ той солидарности, которая возникнетъ въ нѣмецкомъ войскѣ передъ лицомъ непріятеля. Вотъ эта-то солидарность и устранить многія безобразія прежнихъ (капиталистическихъ) отношеній и (обусловленныхъ ими) воззрѣній. Въ переводѣ на языкъ марксистской прозы это значитъ, что господствующіе классы согласятся на нѣкоторыя реформы, съ помощью которыхъ будутъ удалены „шлаки“ и стерта „ржавчина“ нынѣшняго капиталистическаго строя.

Излишне доказывать, что здѣсь мы имѣемъ передъ собой „ревизионизмъ“ возведенный въ квадратъ:—реформизмъ и вмѣсто борьбы классовъ—ихъ солидарность. И какая солидарность? Та, которая охватываетъ всѣ классы общества подъ влияніемъ воинственнаго угара. Въ своей маленькой утопіи покойный Франкъ выступаетъ передъ нами колоссальнымъ утопистомъ.

Но въ его маленькой утопіи была своя непогрѣшимая логика. Марксисты прекрасно понимали, что преобразование способствъ производства не можетъ быть дѣломъ одной страны. „Соединеніе усилий, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ, есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата“ (Манифестъ коммунистической партіи). Сознаніемъ этой истины опредѣлялось сознаніе солидарности интересовъ рабочаго класса всѣхъ странъ. Марксисты-практики ставили себѣ цѣлью въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй „выдѣлать и отстаивать общіе, независимые отъ національности, интересы пролетаріата“. Марксизмъ училъ, что „вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ внутри націй падутъ и враждебныя отношенія націй между собой“. Ни для чего этого не можетъ быть мѣста въ маленькой утопіи покойнаго Франка. Его поле зрѣнія ограничивается Германіей. Какъ мы уже знаемъ, его новая эра начинается не съ устраненія, вмѣстѣ съ классами, антагонизма классовъ внутри нѣмецкой націи, а лишь съ ослабленія этого антагонизма. Но ослабленіе это должно

явиться, по его мнѣнію, въ результатѣ именно враждебныхъ отношеній между націями, т. е. какъ слѣдствіе побѣды Германіи надъ Франціей, Бельгіей, Россіей и т. д. Онъ приурочивалъ свои радужныя надежды не къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ, а къ объединенію всѣхъ классовъ своего германскаго отечества. Ему было совсѣмъ не до того, чтобы „въ движеніи пролетаріевъ всѣхъ націй выдѣлять и отстаивать общіе, независимые отъ національности, интересы пролетаріата“. Его новая программа строилась на защитѣ частныхъ интересовъ одной націи. Послѣдовательный интернаціонализмъ замѣнился націоналистическимъ реформизмомъ. И уже само собой разумѣется, что Франкъ не имѣлъ ни логическаго, ни нравственнаго права повторить кличъ Интернаціонала: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“.

За нимъ осталось лишь право воскликнуть: „соединяйтесь, нѣмцы всѣхъ общественныхъ классовъ. Соединяйтесь для опустошенія Бельгіи, соединяйтесь для ограбленія Франціи, соединяйтесь для борьбы съ конкуренціей Англіи и т. д. и т. д. Опустошивъ, ограбивъ и ослабивъ всѣ непокорныя нѣмецкому императору земли, обезпечивъ себѣ счастливую возможность экономической эксплуатаціи всѣхъ побѣжденныхъ народовъ, мы заживемъ на славу“.

Въ полномъ согласіи съ Франкомъ, центральный органъ нѣмецкой социаль-демократіи въ Австріи призывалъ своихъ единомышленниковъ бороться за нѣмецкое человѣчество.

Современный социализмъ, бывший международнымъ по самому своему существу, считалъ необходимымъ разоблачать дипломатическія интриги и направлять свои усилія къ тому, чтобы въ международныхъ отношеніяхъ господствовали „простые законы нравственности и права“. Первый манифестъ международного товарищества рабочихъ утверждалъ, что борьба за такую внѣшнюю политику есть одна изъ составныхъ частей общей борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Сообразно съ этимъ, пролетаріатъ долженъ противодѣйствовать нарушителямъ этихъ простыхъ законовъ. Въ частности онъ долженъ всею силою своего мнѣнія отстаивать миръ вопреки династическимъ или имперіалистическимъ цѣлямъ: завоеванія новыхъ рынковъ, колоній и т. п. Какъ отмѣчено мною выше, центральный органъ германской социаль-демократіи свято выполнилъ эту обязанность въ концѣ іюля текущаго года, убѣдительно доказывая, что отвѣтственность за острое ухудшеніе международныхъ отношеній падаетъ на германское правительство. Но ни въ приводимыхъ Зюдекумомъ разсужденіяхъ Франка о наступленіи новой эпохи внутренняго развитія Германіи, ни въ соображеніяхъ самого Зюдекума нѣтъ ни малѣйшаго намека на вопросъ о томъ, можетъ ли быть оправдано поведеніе германской дипломатіи съ точки зрѣнія „простыхъ законовъ нравственности и права“. Оно и понятно. Франкъ держался, а Зюдекумъ про-

должасть держаться не интернаціональной, а національной точки зрѣнія. Съ національной германской точки зрѣнія побѣдоносная война желательна вовсе не потому, что она поможетъ осуществить требованія „нравственности и права“, а потому, что она обезпечитъ интересы германскаго имперіализма. Но имперіализмъ есть политика хищничества. Эта политика означаетъ эксплуатацію одного народа или однихъ народовъ другимъ народомъ или другими народами. Франкъ сложилъ свою голову, самоотверженно стремясь обезпечить Германіи наибольшую возможность эксплуатаціи другихъ народовъ. Зюдекумъ вполне одобряетъ такой родъ самоотверженія. Это уже само по себѣ весьма печально. Но еще несравненно печальнѣе то, что въ засѣданіи рейхстага 4-го августа вся германская социаль-демократическая фракція, голосовавшая за военный кредитъ, высказалась устами т. Гаазе въ духъ Франка-Зюдекума. Съ этихъ поръ она сама служить опорой,—и едва ли не самой надежной опорой,—имперіалистической политики нѣмецкаго юнкерства и нѣмецкой буржуазіи!

Дѣло въ томъ, что когда одинъ народъ, преслѣдуя имперіалистическія цѣли, нападаетъ на другой, этотъ послѣдній не можетъ не защищаться, если только онъ не достигъ крайней степени упадка и слабости. И международная социаль-демократія не можетъ не сочувствовать его самозащитѣ, если только она, въ самомъ дѣлѣ, руководствуется въ своей иностранной

политикѣ „простыми законами нравственности и права“. Этимъ опредѣляется мое отношеніе къ французскимъ социалистамъ, голосовавшимъ за военный кредитъ и даже вступившимъ, въ лицѣ Гэда и Самба, въ министерство. Франція—атакованная страна. Поэтому поведеніе французскихъ социалистовъ не могло быть такимъ, какимъ должно было быть поведеніе нѣмецкихъ социалистовъ, т. е. социалистовъ нападающей стороны ¹⁾. Въ еще большей степени примѣнимо это къ Бельгіи.

Германская армія покрыла Бельгію развалинами и превратила ее въ озеро крови за то, что она не согласилась, давъ ей свободный проходъ черезъ свою территорию, облегчить вторженіе нѣмецкой арміи во Францію. Если нынѣшній Интернаціональ вѣренъ завѣтамъ перваго Интернаціонала, основаннаго Марксомъ, если въ своей иностранной политикѣ онъ продолжаетъ руководствоваться „простыми законами нравственности и права“, то онъ долженъ единодушно возстать противъ обращенія Германіи съ Бельгіей. Говорю „единодушно“, такъ

¹⁾ Этимъ я не хочу сказать, что французскіе социалисты должны были безусловно голосовать за военный кредитъ. Голосуя за него, они могли и обязаны были громко высказывать нѣкоторыя неоспоримыя истины, горькія для французской буржуазной дипломатіи, но полезныя съ точки зрѣнія развитія самосознанія въ международномъ пролетаріатѣ. Они не сдѣлали этого. Я жалѣю объ этомъ. Но все-таки считаю, что очень ошибаются тѣ наши товарищи, которые осуждаютъ ихъ такъ же строго, какъ и нѣмецкихъ социаль-демократовъ.

какъ, по моему мнѣнію, нѣмецкіе социаль-демократы обязаны были протестовать противъ этого поведенія громче всѣхъ остальныхъ. Нелѣпо было бы требовать отъ социалистовъ той или другой страны равнодушія къ интересамъ своей родины. Социализмъ отнюдь не исключаетъ любви къ отечеству. Но, между тѣмъ, какъ люди, держащіеся точки зрѣнія эксплуатирующихъ классовъ, находятъ позволительнымъ и даже обязательнымъ ставить интересы своей страны выше интересовъ всего остального міра, социалистъ долженъ имѣть мужество пойти противъ своего отечества, когда оно въ своей иностранной политикѣ поступаетъ несправедливо, нарушаетъ „простые законы нравственности и права“. Только тотъ социалистъ, который способенъ на это, и можетъ назваться международнымъ социалистомъ; только тотъ социалистъ, который способенъ на это, и имѣетъ право сказать о себѣ, что въ его любви къ отечеству нѣтъ шовинизма. Къ величайшему сожалѣнію, приходится констатировать, что со стороны нѣмецкихъ социалистовъ до сихъ поръ не раздавалось протеста противъ того, что было сдѣлано съ Бельгіей. Говорятъ, что съ такимъ протестомъ собирается выступить Карлъ Либкнехтъ. Будемъ надѣяться, что онъ поведетъ себя, какъ достойный сынъ своего отца; но, пока что, германское войско, составленное приблизительно на одну треть изъ социаль-демократовъ, продолжаетъ совершать подвиги, достойные гунновъ, причемъ нѣкоторые органы

нѣмецкой социаль-демократіи,—даже такіе, какъ Gleichheit Клары Цеткиной,—имѣютъ крайнюю наивность (я не позволяю себѣ ни сказать, ни подумать: лицемѣріе) упрекать бельгійцевъ въ жестокомъ отношеніи къ нѣмецкимъ солдатамъ.

Можетъ быть, ни въ чемъ не сказалась до такой степени ярко побѣда праваго крыла нѣмецкой социаль-демократіи надъ лѣвымъ, какъ въ томъ фактѣ, что германскіе социаль-демократы въ лучшемъ случаѣ молчатъ, между тѣмъ какъ буржуазная нѣмецкая интеллигенція громко провозглашаетъ себя солидарной съ варварствомъ нѣмецкихъ милитаристовъ. Но если молчаніе нѣмецкой социаль-демократіи понятно, хотя и достойно сожалѣнія, то, признаюсь, я не понимаю, почему социаль-демократы нейтральныхъ странъ такъ нерѣшительно, почти вяло высказываются противъ дѣйствій, къ которымъ не можетъ относиться равнодушно ни одинъ человѣкъ, имѣющій, по извѣстному нѣмецкому выраженію, сердце тамъ, гдѣ ему полагается быть. Говоря это, я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, социалистическую печать Италіи и Швейцаріи: рабочая печать другихъ нейтральныхъ странъ мнѣ мало доступна. Думаю, однако, что если бы въ ней раздались энергичные протесты, то они проникли бы въ рабочіе органы тѣхъ странъ, газеты которыхъ я читаю.

Кстати, я совсѣмъ пересталъ получать болгарскія социалистическія изданія. Я позволяю себѣ предположить, что и болгарскіе социали-

стические органы слишком вяло протестуют против того, против чего нельзя протестовать достаточно энергично. Таково общее настроение. Резолюція, исходящая, если память мне не изменяет, из цюрихскаго социалистическаго союза „Eintracht“, требует мира без уплаты кѣмъ бы то ни было военнаго вознагражденія (ohne Entschädigung). Положимъ, что это требованіе исполнено. Что же будетъ съ Бельгіей? Слѣдуетъ думать, что цюрихская резолюція „требуетъ“ удаленія изъ нея нѣмецкихъ войскъ. Но не „требуютъ“ ли „простые законы нравственности и права“, чтобы Германская имперія вознаградила Бельгію, по крайней мѣрѣ, за тотъ огромный матеріальный вредъ, который былъ нанесенъ ей нарушеніемъ ея нейтралитета? А предъявить это, какъ нельзя болѣе справедливое, требованіе значитъ, прежде всего, прийти въ противорѣчіе съ цюрихской резолюціей.

Когда одинъ человѣкъ разорилъ другого, то развѣ лишь толстовецъ станетъ „требовать“, чтобы они помирились „безъ вознагражденія“.

Мнѣ сдается, что вялость, нерѣшительность и непослѣдовательность, замѣчающіяся въ социалистической печати нейтральныхъ странъ, объясняются желаніемъ тамошнихъ социалистовъ остаться нейтральными quand même. А это стремленіе остаться нейтральными quand même коренится въ неправильномъ взглядѣ на то, какъ слѣдуетъ понимать отрицательное отношеніе международной социаль-демократіи къ войнѣ.

Социаль-демократы нейтральныхъ странъ говорятъ (мнѣ часто приходилось слышать это): „мы противъ войны, поэтому мы не хотимъ высказываться ни за одну изъ воюющихъ сторонъ; мы требуемъ мира и только мира“. Но когда одинъ человѣкъ на моихъ глазахъ душилъ другого, то я, разумѣется, требую мира; однако это вовсе не значитъ, что я не имѣю права энергично выступить противъ душителя. А вѣдь первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ настоятельно совѣтуетъ намъ стремиться къ тому, чтобы къ международной политикѣ примѣнялись тѣ „простые законы нравственности и права“, повиновеніе которымъ обязательно въ личныхъ отношеніяхъ.

Говорятъ также,—и съ какимъ глубокомысленнымъ видомъ!—что въ современныхъ международныхъ столкновеніяхъ нельзя найти виновнаго и невозможно опредѣлить, кто собственно нападаетъ и кто защищается. На это я отвѣчаю обыкновенно ссылкой на тѣ слова Бебеля, что было бы слишкомъ печально, если бы мы до сихъ поръ не научились разбираться въ вопросахъ такого рода. Иногда я рекомендую, кромѣ того, прочесть тотъ параграфъ книги Экка: „Die Internationale“, который озаглавленъ: „Der Deutsch — Französische Krieg und die Arbeiterklasse“. Изъ него видно, какъ настойчиво и послѣдовательно держались руководители перваго Интернаціонала, съ Марксомъ во главѣ, различія между оборонительной войной, съ одной стороны, и наступательной — съ

другой, и какъ хорошо разбирались они въ событіяхъ франко-прусской войны. Почему ясность сужденія, бывшая достижимой для социалистическихъ дѣятелей 1870 — 1871 г. г., стала недоступной для социалистическихъ дѣятелей 1914 г.? Неужели по той же причинѣ, по которой никто изъ жениховъ Пенелопы не могъ пустить стрѣлу изъ лука Улисса? Наконецъ, въ данномъ случаѣ обращеніе съ лукомъ Улисса очень значительно облегчается тѣмъ (не разъ упомянутымъ выше) фактомъ, что германская социаль-демократическая печать, уже въ концѣ прошлаго іюля, какъ нельзя лучше выяснила, до какой степени вся отвѣтственность за нарушеніе мира падаетъ на Германію. Кто въ виду всего этого продолжаетъ разводить въ недоумѣніи руками, тотъ, дѣйствительно, совершенно неспособенъ разобраться въ интересующемъ насъ вопросѣ. И тому слѣдуетъ заниматься химіей, бѣлой магіей, музыкой, китайской грамматикой, — всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не міровой политикой (Weltpolitik): „Studiate la matematica e lasciate le donne“, какъ сказала одна венеціанка Жанъ-Жаку Руссо.

Теперь, кромѣ того, начинаютъ повторять слова коммунистическаго манифеста: „рабочіе не имѣютъ отечества. Нельзя лишить ихъ того, чего нѣтъ“. Сдѣлать это тѣмъ легче, что сами авторы манифеста позаботились объ ихъ разъясненіи.

Они говорятъ: „стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организовать въ одинъ національный классъ, устроиться въ

предѣлахъ націи, пролетаріатъ еще остается національнымъ, хотя совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ понимается это слово буржуазіей“.

Въ какомъ же смыслѣ остается пролетаріатъ національнымъ? Въ томъ, что, стремясь прежде всего устроиться въ предѣлахъ націи, пролетаріатъ отказывается подражать примѣру буржуазіи, которая, въ интересахъ своего отечества, готова проглотить весь остальной человѣческій родъ.

„Национальная обособленность и противоположность интересовъ различныхъ народовъ, — говоритъ манифестъ, — уже теперь все болѣе и болѣе исчезаетъ, благодаря развитію буржуазіи, свободѣ торговли, всемірному рынку, однообразію способовъ производства и соотвѣствующихъ имъ жизненныхъ отношеній. Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе... Въ той же степени, въ какой уничтожена будетъ эксплуатація одного индивидуума другимъ, уничтожится и эксплуатація одной націи другой“.

Вотъ въ какомъ смыслѣ манифестъ говоритъ, что рабочіе не имѣютъ отечества: они считаютъ, что ихъ страна не должна стремиться къ обособленію себя отъ другихъ странъ и къ противоположенію своихъ интересовъ ихъ интересамъ¹⁾. Пролетаріатъ требуетъ не уничтоженія націй, а прекращенія эксплуатаціи одного на-

¹⁾ Программа с.-д. партіи признаетъ „право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входившими въ составъ государствъ“. Неужели она признаетъ это, исходя изъ того соображенія, что пролетаріатъ каждой страны можетъ и долженъ быть равнодушенъ къ судьбамъ своего отечества?

рода другимъ. Но именно потому, что онъ требуетъ уничтоженія эксплуатаціи одного народа другимъ, онъ долженъ всѣми силами возставать противъ той націи, которая въ данное время дѣлаетъ попытку наложить свое ярмо на другія. Если онъ вздумаетъ оставаться нейтральнымъ въ подобномъ случаѣ, то онъ тѣмъ самымъ покинетъ свою международную точку зрѣнія.

Отвергаемое мною пониманіе словъ: „рабочіе не имѣютъ отечества“ представляетъ собою не болѣе, какъ разогрѣтое антимилиитаристское ученіе Гюстава Эрве первой манеры. Извѣстно, что, согласно этому ученію, социалисты всякой данной страны не имѣютъ никакого интереса къ ея защитѣ отъ непріятельскихъ нашествій, такъ какъ имъ рѣшительно все равно, сохранить она или нѣтъ свою независимость. Но едва ли своевременно разогрѣвать это ученіе тогда, когда самъ Эрве отказывается отъ него молчаливо, но, какъ вамъ извѣстно, совершенно недвусмысленно. А если кто, во что бы то ни стало, желаетъ теперь выступить въ качествѣ эрвеиста первой манеры, то ему непременно надо познать самого себя и ужъ никакъ не выдавать себя за марксиста. Отдайте Эрве то, что принадлежитъ Эрве, хотя онъ, можетъ быть, и не поблагодаритъ васъ за то, что вы напомните ему теперь объ его старой ошибкѣ ¹⁾).

¹⁾ Эрвеизмъ былъ одной изъ разновидностей анархо-синдикализма, который сталъ усиливаться во Франціи какъ разъ съ того времени, когда французскіе оппортунисты начали продѣлывать свои „опыты“ („опытъ“ Милльерача и др.). Теперь его опять разогрѣваютъ (часто совершенно безсознательно) подъ влияніемъ печальнаго опыта Франка-Зюдекума и братіи.

Сами авторы манифеста, какъ нельзя болѣе далеки были отъ эрвеизма въ своемъ отношеніи къ понятію: отечество. Это до такой степени такъ, что одному изъ нихъ (Энгельсу) принадлежитъ выразительная фраза: „werden wir angegriffen, so wehren wir uns“ (если на насъ нападутъ, мы будемъ защищаться). Этой фразой злоупотребляютъ теперь и будутъ злоупотреблять оппортунисты германской социаль-демократіи: имъ непременно нужно оправдать поддержку, оказанную ими имперіализму Ветмана-Гольвега. Но нѣтъ и не можетъ быть такой истины, которую не клали бы въ основу того или другого софизма, и я не хочу возвращаться къ критикѣ нынѣшняго поведенія германской социаль-демократіи. Только что приведенныя слова Энгельса имѣютъ здѣсь для меня лишь значеніе совершенно неопровержимаго свидѣтельства въ пользу того, что онъ, — въ полномъ согласіи съ Марксомъ, — признавалъ права нѣмецкаго, и, разумѣется, не одного только нѣмецкаго, народа на самозащиту. Нынѣшній сознательный рабочій классъ, въ интересахъ своего собственного достоинства, долженъ громче всѣхъ другихъ классовъ современнаго общества кричать противъ такихъ международныхъ преступленій, какъ безпощадное опустошеніе Бельгіи и ея официально возвышенное теперь „присоединеніе“ къ Германіи.

„Если на насъ нападутъ, мы будемъ защищаться“. Эти слова достаточно объясняютъ поведеніе какъ бельгійскаго, такъ и француз-

скаго пролетаріата. Достаточно объясняютъ они, между прочимъ, и вступленіе Гэда, Самба и Вандервельда въ министерство. Франція и Бельгія находятся теперь въ одномъ изъ тѣхъ исключительныхъ положеній, при которыхъ вступленіе социалистовъ въ буржуазное министерство допускается рѣшеніями Интернаціонала. Правда, оно ослабляетъ, — порой, почти прекращаетъ на время борьбу классовъ. Но, — справедливо замѣтилъ однажды Францъ Мерингъ, — данный народъ долженъ существовать для того, чтобы имѣть возможность рѣшить, какъ онъ долженъ будетъ существовать ¹⁾. Эти слова, написанныя еще лѣтъ семнадцать тому назадъ ортодоксальнымъ Мерингомъ, надѣюсь, не вызовутъ въ васъ никакого недоумѣнія, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Бельгіи и Франціи. Но насколько я могу судить по вашему письму ко мнѣ, васъ смущаетъ русскій вопросъ. Потолкуемъ же и о немъ.

Конечно, вы охотно согласитесь признать право русскаго, — какъ и всякаго другого народа, — на существованіе и на самоопредѣленіе. Но, зная наши внутреннія политическія отношенія, вы видите, что въ настоящее время огромнымъ препятствіемъ для освобожденія русскаго народа являются пережитки стараго порядка. И вотъ, желая добра русскому народу, вы, думается

мнѣ, хотѣли бы, чтобы Германія побѣдила Россію. Но до васъ дошелъ слухъ о томъ, что я, наоборотъ, смотрю на возможную побѣду Германіи, какъ на большое несчастье для всей Европы; и вы, зная, что я былъ горячимъ сторонникомъ освободительнаго движенія, съ безпокойствомъ спрашиваете себя: „неужели же онъ начинаетъ мириться со старымъ режимомъ? Неужели же онъ переходитъ въ ряды панславистовъ?“

Нѣтъ, дорогой товарищъ, я какъ былъ, такъ и остаюсь непримиримымъ врагомъ царизма. Къ панславизму меня не тянетъ и не тянуло. И, тѣмъ не менѣе, меня, въ самомъ дѣлѣ, очень пугаютъ послѣдствія возможной побѣды Германіи надъ Россіей.

Вы разсуждаете такъ: „пораженіе официальной Россіи равносильно увеличенію числа шансовъ русской свободы; поэтому я желаю пораженія“. Очень сильно распространена у насъ вѣра въ то, что разсужденіе это характеризуетъ собой крайній революціонный образъ мыслей. Но это неточно. Такъ разсуждали когда-то наши либералы и даже славянофилы. Во время Крымской войны Хомяковъ (безусловно чуждый всякаго радикализма) находилъ, что пораженіе Россіи дастъ полезный толчокъ ея внутреннему развитію. И это было совершенно правильно при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ велась Россіей Крымская война и нѣкоторыя другія войны. Но откуда слѣдуетъ, что это будетъ правильно при всякихъ условіяхъ? Ни откуда.

¹⁾ „Freilich, muss ein Volk existieren, ehe es sich entscheiden kann, wie es existieren will“. Geschichte der deutschen Sozial-demokratie von Franz Mehring. Zweite Auflage, S. 299.

Чтобы военные неудачи данного государства послужили полезным толчком для его внутреннего развития, необходимо, по крайней мѣрѣ, одно условіе: нужно, чтобы онѣ не привели къ обѣднѣнію того родника, изъ котораго бьетъ живой ключъ народныхъ освободительныхъ стремленій. Ясно почему: вѣдь обѣднѣніе указанного родника означаетъ ослабленіе тѣхъ общественныхъ элементовъ, которымъ полезенъ былъ бы новый строй жизни. И ослабленіе этихъ общественныхъ элементовъ можетъ быть такъ велико, что военные неудачи поведутъ за собою даже упроченіе стараго порядка. Это можетъ произойти вездѣ, т. е., между прочимъ, и въ Россіи. Теперь спрашивается: гдѣ же надо искать источника нашего освободительнаго движенія? На этотъ вопросъ я вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ отвѣчаю: въ экономическомъ развитіи Россіи, точнѣе говоря, въ ея капиталистическомъ развитіи.

Вамъ извѣстенъ былъ этотъ мой отвѣтъ, и вы находили его правильнымъ. Но если онъ правиленъ, то что слѣдуетъ изъ него?

Изъ него съ неотразимой убѣдительностью вѣрнаго математическаго вывода слѣдуетъ, что такое пораженіе Россіи, которое замедлитъ ея экономическое развитіе, будетъ вредно для дѣла народной свободы и полезно для стараго порядка.

Все, что замедляетъ наше экономическое развитіе, поддерживаетъ нашу реакцію, представляющую собою своеобразное политическое слѣдствіе экономической отсталости русской земли.

Видите, какъ оборачивается дѣло? Недаромъ нашъ незабвенный Чернышевскій, характеризуя приемы діалектическаго мышленія, говоритъ: „все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста“. Вы должны мыслить діалектически. Кто мыслитъ какъ метафизикъ, кто рассуждаетъ по готовымъ шаблонамъ, по заученнымъ формуламъ, тотъ не марксистъ, а злая пародія на марксиста ¹⁾.

¹⁾ Въ половинѣ августа 1870 г., т. е. тогда, когда война Германіи съ Франціей еще была, въ глазахъ основателей научнаго социализма, оборонительной, — Энгельсъ писалъ Марксу, критикуя тотъ взглядъ Вильгельма Либкнехта, что германскіе социаль-демократы должны оставаться нейтральными: „если бы это было общимъ мнѣніемъ въ Германіи, то скоро мы вернулись бы къ Рейнскому союзу (т. е. ко временамъ Наполеона I, подъ протекторатомъ котораго находился Рейнский союзъ, имѣ же созданный въ западной части Германіи. Г. П.), и тогда благородному Вильгельму пришлось бы спросить себя, какова же при этомъ его роль и что сталося съ рабочимъ движеніемъ. Конечно, народъ, всегда получающій пинки и толчки, есть именно тотъ народъ, который слѣдуетъ социальную революцію, и къ тому же въ дорогахъ Вильгельму маленькихъ государствъ“. Въ томъ же письмѣ находятся замѣчательныя строки, въ которыя необходимо вдуматься нынѣшнимъ социаль-демократамъ Россіи. Вотъ онѣ: „что эта война ведется подъ командой Лемана, Бисмарка и К^о, и что, въ случаѣ счастливаго ея окончанія, она на минуту послужитъ къ ихъ славѣ, за это мы должны благодарить нѣмецкую буржуазію. Разумѣется, это очень противно (eklig), но этого перемѣнить нельзя. И нелѣпо было бы дѣлать на этомъ основаніи изъ антибисмаркизма единственный руководящій принципъ“. Нѣкоторые наши товарищи дѣлаютъ теперь единственный руководящій принципъ изъ антиреакціонизма. Подѣлать единственный руководящій принципъ изъ антибисмаркизма или антиреакціонизма прилично развѣ только либералу.

Но пойдёмъ дальше. Есть ли у насъ основаніе опасаться того, что пораженіе Россіи въ нынѣшней войнѣ будетъ вредно для ея дальнѣйшаго экономическаго развитія? Да, у насъ есть полное основаніе опасаться этого.

Почему? Очень просто. За это ручается намъ сущность имперіалистической политики. Она состоитъ въ томъ, что народъ-побѣдитель превращаетъ побѣжденный народъ въ предметъ экономической эксплуатаціи. Вслѣдствіе такой эксплуатаціи ускоряется экономическое развитіе народа-побѣдителя и замедляется экономическое развитіе побѣжденного народа.

Оттого я съ тяжелымъ сердцемъ представляю себѣ, что и до сихъ поръ еще возможна побѣда Германіи. Я знаю, что это мое опасеніе вызываетъ нападки на меня со стороны товарищей, склонныхъ къ шаблоннымъ разсужденіямъ. Но не могу измѣнить своего взгляда, хотя бы противъ меня ополчились всѣ жители земли и всѣ обитатели другихъ планетъ.

Я предвижу напередъ, мнѣ скажутъ: „въ такомъ случаѣ вы должны опредѣлиться на службу къ русской реакціи“. Но меня и прежде не сбивали, и теперь не собьютъ подобныя возраженія. Я къ нимъ притерпѣлся. Извѣстный французскій живописецъ Eugène Delacroix, которому выпало на долю выслушать множество нелѣпыхъ критическихъ уроковъ, къ концу своей жизни воскликнулъ: „Voilà trente ans que je suis livré aux bêtes“. Вы знаете исторію моей литературной дѣятельности, вы помните, какіе

споры пришлось вести мнѣ объ историческомъ значеніи русскаго капитализма, и вы согласитесь, что я имѣю печальное право повторить, въ примѣненіи къ себѣ, слова Delacroix. Непріятно быть livré aux bêtes, но кто въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій испытываетъ эту непріятность, тотъ привыкаетъ къ ней и насмѣхается надъ нею.

Когда я говорилъ: „Россія не можетъ миновать фазу капитализма, и намъ слѣдуетъ возставать противъ всего того, что задерживаетъ ея развитіе въ этомъ направленіи“, умные люди усиливались поймать меня на арканъ слѣдующаго неизбѣжнаго, какъ имъ казалось, заключенія: въ такомъ случаѣ вамъ надо опредѣлиться на службу къ капиталу (открыть кабакъ, какъ писалъ самый догадливый изъ этихъ умныхъ людей, С. Н. Кривенко). Чтобы обнаружить всю до смѣшного жалкую несостоятельность этого, будто бы неотвратимаго, вывода, мнѣ надо было написать двѣ книги („Наши разногласія“, „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“) и довольно много статей. Я надѣюсь, что теперь мнѣ уже не придется затратить такъ много труда на опроверженіе того,—совершенно тождественнаго по своему низкому логическому достоинству,—вывода, что если, по моему мнѣнію, вредны будутъ для нашего освободительнаго движенія экономическія послѣдствія побѣды Германіи надъ Россіей, то я долженъ сдѣлаться слугою русской реакціи. По отношенію къ капитализму я сумѣлъ начер-

тить ту линію поведенія, которая, какъ показали послѣдующія событія, была самой плодотворной изъ всѣхъ, возможныхъ въ свое время. Не трудно будетъ мнѣ начертить такую же линію и по отношенію къ реакціи.

Положеніе дѣла у насъ ясно. Совершенно понятно, что народъ не хочетъ сдѣлаться жертвой эксплуататорскихъ аппетитовъ германскихъ имперіалистовъ: онъ не толстовецъ. Но, чтобы дать отпоръ служителямъ этихъ аппетитовъ, нужно быть сильнымъ, а насъ ослабляетъ нашъ отсталый политическій строй. Всѣмъ извѣстно, что нѣмецкій императоръ былъ надежнымъ защитникомъ нашего царизма. Защищая его, онъ зналъ, что дѣлалъ. Онъ понималъ, что существованіе царизма выгодно не для русскаго народа, а для нѣмецкихъ юнкеровъ и имперіалистовъ, такъ какъ облегчаетъ побѣду Германіи надъ Россіей. Вотъ почему, справившись съ внѣшнимъ врагомъ, необходимо покончить съ застоємъ въ русской жизни.

Однако, скажете вы, если Россія выйдетъ побѣдительницей изъ внѣшней войны, то ея населеніе отнесетъ побѣду на счетъ царя. Пусть будетъ такъ. Даже усиливъ на время реакцію, побѣда приведетъ, въ концѣ-концовъ, къ ея исчезновенію, такъ какъ, благодаря побѣдѣ, Россія избѣжитъ тѣхъ препятствій, которыя были воздвигнуты пораженіемъ на пути ея экономическаго развитія. Вѣдь я—марксистъ. Я знаю, что экономическое развитіе лежитъ въ основѣ всякаго другого. И я вполне вѣренъ себѣ, когда утверждаю, что то явленіе, которое

грозить намъ экономическимъ застоємъ, угрожаетъ также увѣковѣчить нашу политическую отсталость.

Повторяю, не слѣдуетъ думать, что пораженіе даннаго отсталого правительства внѣшнимъ врагомъ всегда сопровождается утратой имъ вліянія на свой народъ. Лассаль очень тонко замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что никогда населеніе Пруссіи не было такъ сильно привязано къ своему королю, какъ въ 1807 г., когда Наполеонъ разбилъ его на голову ¹⁾. Съ другой стороны, побѣдоносное окончаніе наполеоновскихъ войнъ дало въ Россіи сильный толчокъ развитію освободительнаго движенія въ томъ общественномъ слоѣ, который одинъ доступенъ былъ тогда для освободительныхъ идей. Тутъ надо принять во вниманіе также и то, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ пораженіе германскаго имперіализма будетъ сильно способствовать возникновенію революціоннаго движенія въ самой Германіи. Такое положеніе будетъ въ то же время и пораженіемъ праваго крыла германской социаль-демократіи. Ну, какъ же не сказать, что неблагоприятный для Германіи исходъ нынѣшней войны крайне желателенъ?

Еще и еще разъ: все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста.

Есть много поводовъ думать, что тѣ обстоятельства, при которыхъ ведется Россіей нынѣшняя война, въ случаѣ удачнаго ея окончанія,—

¹⁾ „Nie war unser Königthum populärer, als 1807 und Aehnliches könnte wiederkehren“ (Briefe von Ferdinand Lassalle an Karl Marx und Friedrich Engels. Stuttgart, 1901, S. 187).

не приведут даже и къ непродолжительному упроченію реакціи. Ни для Запада, ни для насъ война эта не есть, какъ выражаются нѣмцы, ein Kabinettskrieg. Это, — чтобы опять употребить нѣмецкое выраженіе, — ein Nationalkrieg. Она грозитъ ухудшеніемъ условій существованія всей русской „націи“, т. е. всей нашей трудящейся массѣ. И вся наша трудящаяся масса какимъ-то инстинктомъ чувствуетъ это. Она упорно борется, но борьба съ вѣдшимъ врагомъ въ весьма значительной степени возбуждаетъ ея самодѣятельность.

Post-Scriptum. Мой отвѣтъ вамъ былъ не только написанъ, но переписанъ и приготовленъ къ отправкѣ, когда я прочелъ въ „L'Eclaireur de Nice“ (отъ 7-го ноября) перепечатанное этой газетой изъ „Neue Züricher Zeitung“ извѣстіе о томъ, что Либкнехтъ, Роза Люксембургъ, Франц Мерингъ и Клара Цеткина печатно заявили о своемъ полномъ несогласіи съ Зюдекумомъ и Фишеромъ, — т. е. съ оппортунистами, — во взглядѣ на причины и характеръ нынѣшней войны, а также и на роль, которую играетъ въ ней социаль-демократія. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Однако, мы остаемся въ неизвѣстности насчетъ того, какъ же, собственно, смотрятъ на все это вышеназванные радикальные товарищи: они прибавляютъ, что осадное положеніе мѣшаетъ имъ высказаться. Это тѣмъ болѣе жаль, что вѣдь сумѣли же когда-то, несмотря на цензурныя строгости военнаго времени, высказать свой взглядъ на войну Августъ Бебель и Вильгельмъ Либкнехтъ.

II ¹⁾.

Der eigentliche Obscurantismus ist nicht, dass man die Ausbreitung des Wahren, Klaren, Nützlichen hindert, sondern, dass man das Falsche in Kurs bringt.

Goethe.

Санъ-Ремо, 8 мая (новаго стиля) 1915 года.

Съ разныхъ сторонъ на меня жестоко нападаютъ за взгляды, высказанные мною въ отвѣтномъ письмѣ къ болгарскому товарищу З. П. — ву, которое было напечатано отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „О войнѣ“. Вы знаете, что я вообще не избѣгаю горячихъ полемическихъ схватокъ. Меня, наоборотъ, не разъ упрекали въ слишкомъ большой склонности къ нимъ. Но я веду полемику только тогда, когда надѣюсь, что изъ столкновенія мнѣній брызнетъ истина. Если у меня нѣтъ такой надежды, я молчу, хотя это, можетъ быть, „духу придаетъ“ нападающимъ на меня. Я не люблю тратить время на пустяки. Молчалъ я и на этотъ разъ, потому что доводы, выдвинутые противъ меня моими противниками, были ниже всякой критики. Озна-

¹⁾ Писано было къ товарищу Нусинову.

комившись съ ними, я могъ только повторить про себя восклицаніе, вырвавшееся у Бебеля на Ганноверскомъ съѣздѣ германской социаль-демократической партіи:—„Es ist merkwürdig, wie wir das Denken verlernt zu haben scheinen“.

„Замѣчательно, какъ мы, повидимому, разучились думать!“

Я не считалъ себя обязаннымъ разбирать эти жалкіе доводы. Да и слишкомъ противно, скажу больше: нравственно невозможно было бы мнѣ препираться съ ополчившимися противъ меня „неучами“ и политическими недорослями, вести чернильную войну съ лягушками (если употребить здѣсь образное выраженіе Бѣлинскаго) въ такое время, когда льются потоки крови и, можетъ быть, надолго рѣшается судьба цивилизованнаго міра вообще и моей многострадалной родины—въ частности. Я не нарушилъ бы молчанія, если бы не ваше письмо ко мнѣ. Въ немъ я увидѣлъ вдумчивое отношеніе къ предмету; въ немъ мнѣ послышались мучительные вопросы. И я рѣшилъ, что вамъ я обязанъ отвѣтить. Но у меня на совѣсти было цѣлыхъ двѣ работы, не терпѣвшихъ ни малѣйшаго отлагательства. Поэтому мой отвѣтъ нѣсколько запоздалъ. Простите.

Я думаю, что для взаимнаго пониманія намъ нужно установить нѣкоторыя общія положенія международной политики пролетаріата. Съ этой цѣлью я позволяю себѣ указать вамъ на нѣкоторые факты и напомнить нѣкоторыя мысли.

I.

Вплоть до самаго объявленія Германіей войны Россіи нѣмецкая социаль-демократія твердо и послѣдовательно держалась того мнѣнія, что отвѣтственность за приближающуюся катастрофу падаетъ на Вѣну и особенно на Берлинъ. Я уже указывалъ на это въ своей брошюрѣ „О войнѣ“. Теперь добавлю, что мое указаніе было недавно подтверждено Бернштейномъ.

Когда Австрія послала свой ультиматумъ Сербіи, „Partei Vorstand“ германской соц.-дем. партіи обнародовалъ воззваніе, въ которомъ, осуждая „происки велико-сербскихъ націоналистовъ“¹⁾, онъ не поколебался, однако, назвать этотъ ультиматумъ легкомысленнымъ и неприимѣрнымъ по своей грубости вызовомъ на войну (Kriegsprovokation). „Сознающій свои классовыя задачи пролетаріатъ Германіи,—говорилось въ этомъ важномъ историческомъ документѣ,—пламенно протестуетъ во имя человѣчности и культуры противъ преступныхъ происковъ подстрекателей къ войнѣ. Онъ повелительно требуетъ отъ германскаго правительства, чтобы оно воспользовалось своимъ вліяніемъ на Австрію для сохраненія мира, а если невозможно будетъ предупредить постигшую войну, то воздержалось бы

¹⁾ Объ этихъ „проискахъ“ см. ниже.

отъ всякаго участія въ ней. Ни одна капля крови нѣмецкаго солдата не должна быть принесена въ жертву властолюбивымъ вождествіямъ австрійскихъ правителей и имперіалистическимъ стремленіямъ къ наживѣ“¹⁾.

Яснѣе выразаться невозможно.

Нѣмецкая социаль-демократія Австріи категорически утверждала, что интересы двуединой монархіи могли быть защищены мирнымъ путемъ, и что поэтому война отнюдь не представляеть собою государственной необходимости²⁾. Въ ея воззваніи не слышится, правда, того „пламеннаго“ протеста духомъ котораго пропитано было воззваніе германской социаль-демократіи, но,—какъ справедливо замѣчаетъ Бернштейнъ,—послѣ предъявленія Австріей ультиматума Сербіи австрійскіе социаль-демократы уже лишены были возможности свободно выражать свои мысли³⁾.

Совершенно такъ же смотрѣли на тогдашнее положеніе дѣлъ социалисты другихъ странъ Западной Европы. Англійскій „Daily Citizen“, въ номерѣ отъ 27-го іюля, говорилъ: „Мы рѣшительно считаемъ Австрію нападающей страной“. Брюссельскій „Peuple“ говорилъ, что Францъ-Іосифъ заканчиваетъ свое царствованіе плохимъ дѣломъ, которое, вдобавокъ, можетъ оказаться и весьма невыгоднымъ. „Мы могли бы,—заклю-

чаетъ Бернштейнъ,—перебрать, одну за другою, всѣ страны (Land auf Land durchnehmen), и вездѣ мы нашли бы одно и то же. Соціалисты всѣхъ странъ были единодушны въ страстномъ осужденіи войны и въ признаніи Австріи ея главной зачинщицей“¹⁾.

Вы видите, товарищъ, что если теперь мои „проницательные“ противники ссылаются на полную невозможность рѣшить, кѣмъ начата нынѣшняя война, то это объясняется именно ихъ „проницательностью“. Люди, избавленные отъ такой проницательности доброй матерью-природой,—соціалисты всѣхъ странъ,—прекрасно знали, по свидѣтельству Бернштейна, гдѣ находятся зачинщики. И, конечно, совсѣмъ не нужно было быть,—какъ говорятъ французы,—grand clerc (очень ученымъ), чтобы знать это: положеніе дѣлъ громко и ясно говорило само за себя.

Пойдемъ дальше. При указанномъ единодушіи наканунѣ общеевропейской войны можно было ожидать, что социалисты всѣхъ странъ останутся единодушными и послѣ того, какъ она разразится. Ихъ единодушіе спасло бы второй Интернаціональ отъ гражданской войны, а его лучшіе составные элементы отъ крайне тяжелыхъ переживаній. Для этого социалистамъ всѣхъ странъ нужно было только одно: дѣйствовать сообразно ихъ собственному, твердо установленному и горячо

¹⁾ Die Internationale der Arbeiterklasse und der europäische Krieg, — von Eduard Bernstein, Tübingen 1915. s. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 14.

³⁾ Тамъ же, стр. 13.

¹⁾ Тамъ же, стр. 15.

высказанному убѣжденію въ томъ, что война вызвана властолюбивыми вождельніями австро-германскихъ правителей и корыстолюбивыми стремленіями австрійскихъ импералистовъ. Могли ли наши австрійскіе и германскіе товарищи оказать поддержку та кой войнѣ? Могли ли они участвовать въ этомъ постыдномъ предпріятіи?

Я,—да и одинъ ли я!—былъ глубоко убѣжденъ, что это для нихъ психологически невозможно. Вышло другое. Германскіе социаль-демократы охотно голосовали кредиты, необходимые для веденія „преступной войны“, а нѣмецко-австрійскіе, въ одномъ изъ августовскихъ №№ своего центрального органа „Arbeiterzeitung“, провозгласили, что надо спасать „нѣмецкое человѣчество“. Какой, съ божьей помощью, поворотъ! Чѣмъ онъ былъ вызванъ?

За отвѣтомъ опять обратимся къ Бернштейну, по весьма понятной причинѣ несравненно болѣе склонному къ тому, чтобы оправдывать свою партію, нежели къ тому, чтобы обвинять ее.

Замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ социаль-демократы не голосовали за военные кредиты, онъ пускается по этому поводу въ поучительныя соображенія.

По его словамъ, ошибочно было бы умоаключить изъ указаннаго имъ факта, что лѣвыя партіи въ этихъ странахъ мужественнѣе, идеалистичнѣе и послѣдовательнѣе, нежели нѣмецкіе социаль-демократы. Дѣло вполне объясняется разницей положеній. „Когда голосуютъ большія

партіи или партіи съ большимъ парламентскимъ вліяніемъ, на нихъ давить сознаніе связанной съ такимъ вліяніемъ практической отвѣтственности. Имъ нельзя голосовать для демонстраціи, какъ это легко могутъ позволить себѣ маленькія партіи, вотумъ которыхъ не имѣетъ непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Въ этомъ заключается обратная сторона увеличенія парламентской силы партіи ¹⁾“.

Мы съ вами, товарищъ, гдѣ-то уже встрѣчали подобныя разсужденія. Дай богъ памяти... Ахъ, да! Въ Пушкинской «Русалкѣ».

«Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князя не вольны,
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ»...

Теперь все ясно! Теперь мы понимаемъ, почему германскіе и австрійскіе социаль-демократы повели себя въ нынѣшнюю войну не такъ, какъ Вильгельмъ Либкнехтъ и Августъ Бебель—во время войны 1870—1871 гг. „Князя не вольны, какъ дѣвицы“... виноваты,—большія партіи не вольны, какъ—маленькія. Социаль-демократія стала большою партіей въ Германіи и Австріи, и вотъ ей приходится разсудку сердце подчинять. „Въ этомъ заключается обратная сторона увеличенія парламентской силы партіи“, прибавляетъ Бернштейнъ въ утѣшеніе своимъ читателямъ.

¹⁾ Назв. соч., стр. 39—40.

Печальное утѣшеніе! Подумайте только, товарищи!

При прочих равныхъ условіяхъ, парламентское вліяніе социаль-демократической партіи увеличивается пропорціонально росту ея организованныхъ силъ. Но если ростъ ея организованныхъ силъ неизбѣжно приводитъ къ тому, что она лишается возможности сохранить вѣрность своимъ собственнымъ принципамъ, то стоитъ ли заботиться о томъ, чтобы росли ея силы? Не лучше ли ей оставаться „маленькой“? Похоже на то, что—лучше! А съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что оставаясь „маленькой“, социаль-демократія никогда не осуществитъ своихъ принциповъ. Поистинѣ, безвыходное положеніе: носъ вытащишь, хвостъ увязнетъ! Неужели правы анархисты, безъ устали твердившіе и твердящіе намъ, что социалистъ, выступившій на путь парламентской дѣятельности, тѣмъ самымъ развѣ навсегда отказался отъ прежней тактики!

II.

Анархисты ошибаются! Выступленіе социалистовъ на путь парламентской дѣятельности само по себѣ еще вовсе не равносильно отказу ихъ отъ революціонной тактики. Но они должны помнить, что не человекъ для субботы, а суббота для человека; не социализмъ для парламентской дѣятельности, а парламентская дѣятельность для соци-

лизма. Дѣятельность эта есть лишь одно изъ средствъ, способствующихъ достиженію конечной цѣли международнаго социализма. Кто ставитъ это средство выше этой цѣли, тотъ, въ сущности, перестаетъ быть социалистомъ. Но кто же ставилъ средство выше цѣли? Тотъ же Бернштейнъ, возвѣстившій намъ, съ высоты своей позиціи „ревізюниста“, что движеніе—все, а конечная цѣль—ничто. Вотъ почему я и сказалъ въ своей брошюрѣ, что вотумъ германской социаль-демократической фракціи означалъ побѣду праваго крыла германской с.-д. партіи надъ ея лѣвымъ крыломъ, т. е. Бернштейна надъ Каутскимъ. Съ тѣхъ поръ до меня дошелъ слухъ, что самъ Каутскій одобрилъ этотъ вотумъ. Если это и правда, то это все-таки ничего не измѣняетъ: Каутскій прошелъ подъ ярмомъ побѣдителя,—и только.

Сказанное мною о парламентской дѣятельности относится и къ организаціи. Нелѣпо и даже преступно пренебрегать ею. Она безусловно необходима для осуществленія нашей конечной цѣли. Но и она не болѣе, какъ средство. Дорожить ею больше, нежели цѣлью, можетъ только тотъ, для кого конечная цѣль уже есть „ничто“, т. е. опять только „ревізюнистъ“.

Братъ императора Николая, Константинъ, бывшій нѣкогда намѣстникомъ Польши, страстно любилъ военныя упражненія. Но онъ упорно добивался того, чтобы польская армія ¹⁾ не

¹⁾ Въ „Конгрессувкѣ“ была тогда армія, отдѣльная отъ русской.

принимала участія въ войнѣ (1828 г.) Россіи съ Турціей. Одинъ французскій историкъ приписываетъ этому чудаку фразу: „Je déteste la guerre, elle gate les armées“ (я терпѣть не могу войны, она портитъ войска). Германскіе „ревизионисты“ похожи на него. Они терпѣть не могутъ рѣшительныхъ выступленій, которыя грозятъ разстроить партійную организацію и ослабить парламентское вліяніе партіи. И когда пришла пора употребить въ дѣло огромныя силы германской социаль-демократической арміи, они добились того, чтобы силы эти въ походъ не выступали. „Je déteste la guerre, elle gate les armées“. По своему, эти господа вполне правы! ¹⁾).

Но, конечно, только по-своему. Передо мною лежитъ письмо, написанное однимъ нѣмецкимъ ветераномъ международного социализма. Этотъ ветеранъ находитъ, что социаль-демократы Германіи сдѣлали далеко не все то, что могли и должны были сдѣлать для предупрежденія войны. „Разумѣется,—говоритъ онъ,—въ такой моментъ немногаго можно было добиться обычными резолюціями въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Надо было выходить на улицу. Германская армія на одну треть состоитъ изъ социаль-демократовъ, и правительство поостереглось бы начинать войну на два фронта

¹⁾ Ради безпристрастія прибавлю, однако, что еще до появленія „ревизионизма“ наши германскіе товарищи избѣгали праздновать, какъ слѣдовало, первое мая. Они боялись, что, прекращая работу въ этотъ день, германскій пролетаріатъ рискуетъ разстроить свои организаціи.

еслибы социаль-демократія рѣшила бороться противъ войны всѣми средствами“. Такая борьба потребовала бы тяжелыхъ и, вѣроятно, кровавыхъ жертвъ. „Но что значили бы,—спрашиваетъ социаль-демократическій ветеранъ,—сотни славныхъ потерь въ сравненіи съ тысячами, приносимыми теперь въ жертву германскому империализму на поляхъ сраженій, съ русскими и французами?“

Какъ видите, въ письмѣ рѣчь идетъ лишь о тысячахъ жертвъ, приносимыхъ Молоху империализма: оно было написано въ самомъ началѣ войны. Теперь число этихъ жертвъ, по весьма умѣренной оцѣнкѣ превышаетъ миллионъ. Теперь кровь германскаго пролетаріата льется широкой и глубокой рѣкою. И теперь еще болѣе умѣстнымъ становится вопросъ: что значатъ, въ сравненіи съ этими безчисленными жертвами, тѣ славныя потери, которыя понесла бы германская социаль-демократія рѣшительно объявивъ героическую пролетарскую войну „постыдной войнѣ“, затѣянной австро-германскими империалистами?

III.

„Je déteste la guerre, elle gate les armées!“ Наши германскіе товарищи испугались того, что рѣшительная „война войнѣ“ испортитъ ихъ собственную армію. Это неспоримо. Но все ли объясняется этимъ? Впрочемъ, во-

прось надо поставить иначе: почему наши германские товарищи боялись, что рѣшительная „война войнѣ“ испортитъ ихъ армію? Только ли потому, что такая война потребовала бы отъ нихъ кровавыхъ жертвъ и повела бы къ распущенію „именемъ закона“ ихъ организаціи?

Нѣтъ! Была еще другая причина. Руководящіе круги германской социаль-демократіи побоялись также того, что въ рѣшительной войнѣ противъ войны откажется принять участие весьма значительное число организованныхъ германскихъ рабочихъ. Этого опасенія,—въ связи со страхомъ передъ кровавыми жертвами и распущеніемъ организаціи,—оказалось достаточно для того, чтобы они оставили всякую мысль о веденіи войны съ войною и рѣшили принять дѣятельное участіе, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, въ войнѣ съ Россіей, Франціей, а прежде всего съ Бельгіей. Это ихъ рѣшеніе приукрашено было тѣмъ доводомъ, что германскій пролетаріатъ не можетъ не участвовать въ борьбѣ съ русскою реакціей. Какъ ничтожна была цѣнность этого довода, видно изъ слѣдующаго разсужденія социаль-демократическаго „Hamburger Echo“.

Какъ говорить эта газета, борьба съ русскою реакціей заслуживаетъ всякаго уваженія; но нельзя звать нѣмецкій пролетаріатъ на войну ради такой политико-идеологической (politisch ideologische) цѣли, какъ низверженіе чужой

реакціи: „намъ слишкомъ дорога кровь нашихъ нѣмецкихъ земляковъ (unserer deutschen Volksgenossen). Пароль: „противъ московщины“ можетъ сдѣлать эту войну болѣе симпатичной для насъ, но не можетъ ее санкціонировать“.

Кровь ея германскихъ земляковъ всегда была такъ дорога нѣмецкой социаль-демократіи, что она даже въ самой Германіи всегда очень старательно избѣгала рѣшительныхъ выступленій противъ политическихъ пережитковъ старины (напримѣръ, въ Пруссіи). Поэтому только совсѣмъ наивные люди могли придавать значеніе доводу отъ борьбы съ русской реакціей¹⁾.

Нѣсколько труднѣе было оцѣнить истинное значеніе довода отъ національной самозащиты. Выдвигая этотъ послѣдній доводъ, германскіе соц.-демократы ссылались на Бебеля и на Либкнехта.

Оба они, въ самомъ дѣлѣ, не разъ категорически заявляли, что социаль-демократы нравственно обязаны защищать свое отечество. Извѣстный Домела Ньевенгайсъ, благополучно прибывшій въ послѣдствіи въ гавань анархизма, называлъ ихъ за это—напримѣръ, на цюрихскомъ международномъ социа-

¹⁾ „Leipziger Volkszeitung“ еще въ номерѣ отъ 3-го августа прошлаго года разоблачала лживость подобной фразеологіи, которую стала эксплуатировать военная партія. См. Лондонскую „Justice“ отъ 27-го августа 1914 г.

листическомъ съѣздѣ,—соціалъ-патріотами ¹⁾. Однако, имѣютъ ли право ссылаться на примѣръ Бебеля и Либкнехта тѣ, которые стараются оправдать нынѣшнее поведеніе германской соціалъ-демократіи?

И самомалѣйшаго! Я не хочу снова напоминать о томъ, что, какъ бы ни былъ великъ „соціалъ-патріотизмъ“ Бебеля и Либкнехта, оба они отказались голосовать за военные кредиты въ 1870 г. Я готовъ временно допустить, что это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ можетъ быть объяснено переходящими условіями тогдашней эпохи (напр., какъ думаетъ Бернштейнъ, тѣмъ, что партія Либкнехта-Бебеля была тогда „маленькой“). Я укажу на другое.

На эрфуртскомъ съѣздѣ германской (тогда уже довольно-таки большой) партіи Либкнехтъ былъ атакованъ такъ называвшимися „молодыми“, обвинявшими его въ шовинизмѣ. И вотъ что отвѣтилъ онъ, между прочимъ, на ихъ нападки:

„Говорятъ, я сказалъ, что если на насъ нападутъ, если нужно будетъ сражаться для отраженія непріятеля, то мы готовы защищать отечество. О, конечно, я заявлялъ это не одинъ разъ; это само собою разумѣется; каждый изъ насъ поступитъ такъ... Развѣ нашъ собственный

интересъ не побудитъ насъ прогнать всякаго, кто вторгнется въ нашу страну, какъ прогнали бы мы грабителя, который ворвался бы въ нашъ домъ (непростительный соціалъ-патріотизмъ! Непостижимо, почему наши обскуранты, „спасающіе Интернаціоналъ“, до сихъ поръ не предали анаемѣ памяти Либкнехта. Г. П.). Но я всегда прибавлялъ къ этимъ своимъ заявленіямъ, что война должна быть необходима, справедлива. И не всякая формально оборонительная война является такою въ дѣйствительности. Не рѣдко тотъ, кто дѣлаетъ видъ, что защищается, на самомъ дѣлѣ нападаетъ“ ¹⁾.

Нѣтъ истины, которою нельзя было бы воспользоваться въ цѣляхъ софистики. Зная это, Либкнехтъ предупредилъ своихъ слушателей насчетъ возможныхъ злоупотребленій понятіемъ: національная самооборона. Но этимъ онъ сдѣлалъ свою мысль еще болѣе ясной: мы нравственно обязаны защищать свою родину, если она подвергается нападенію, или, другими словами, если она ведетъ необходимую, справедливую войну. И эту мысль Либкнехта хорошо поняли, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нѣмецкихъ товарищей, пытающихся теперь оправдать свое поведеніе его примѣромъ. Въ указанной мною выше статьѣ „Hamburger Echo“ прямо говорится,

¹⁾ Обращаю на это обстоятельство вниманіе моихъ бдительныхъ противниковъ въ вопросѣ о войнѣ, дѣлающихъ мнѣ тотъ же самый упрекъ.

¹⁾ Не имѣя подъ руками протокола эрфуртскаго съѣзда, цитирую по книгѣ т. Э. Мильо „La démocratie socialiste allemande“, Paris 1903, стр. 269.

что участіе германскихъ социаль-демократовъ въ нынѣшней войнѣ можетъ быть санкціонировано только тѣмъ, что она имѣетъ оборонительный характеръ и ведется за самое существованіе страны (für unsere bedrohte Existenz).

Разумѣется, это совсѣмъ ненадежная „санкція“, такъ какъ германскій соц.-демократическій Parteivorstand заранее потрудился разъяснить намъ происхождение и истинный характеръ „постыдной войны“, начатой ради властолюбивыхъ вождельній австрійскихъ правителей и ради имперіалистической жажды наживы. Если война изъ постыдной вдругъ превратилась въ справедливую оборонительную войну послѣ того, какъ была объявлена, то яснѣе яснаго, что дѣло тутъ не въ ея характерѣ, а въ тѣхъ „расчетахъ“, которымъ должны подчинять свое сердце князья при выборѣ невѣсты и—если вѣрить Бернштейну,—болшія социалистическія партіи... при парламентскихъ голосованіяхъ.

И замѣйте, товарищъ: война считалась постыдной тогда, когда Бельгія еще не подвергалась нападенію со стороны Германіи, и была признана справедливой оборонительной войною (см. рѣчь Гаазе въ засѣданіи рейхстага 4-го авг.) послѣ того, какъ германское правительство самымъ циничнымъ образомъ попрадо права бельгійскаго народа. И т. Гаазе счелъ возможнымъ оправдывать дѣйствія германскаго правительства тѣмъ, что, по признанію Интернаціонала, каждый народъ имѣетъ право на существованіе...

Какъ извѣстно, лицемѣріе есть первая уступка, дѣлаемая порокомъ добродѣтели. Стараясь „санкціонировать“ нынѣшнее поведеніе германской социаль-демократіи будто бы оборонительнымъ (для Германіи) характеромъ войны, „Hamburger Echo“ и т. Гаазе тѣмъ самымъ признаютъ, что только въ оборонительной войнѣ позволительно и даже обязательно дѣятельное участіе сознательныхъ пролетаріевъ. И тутъ они вполне правы.

IV.

Мнѣ писали, что одинъ мой противникъ (изъ самыхъ „видныхъ“!), читая „рефератъ“ о войнѣ на собраніи русской колоніи въ Женевѣ, воскликнулъ: подъ вліяніемъ войны старый матеріалистъ Плехановъ сдѣлался идеалистомъ, онъ вызываетъ теперь къ законамъ нравственности и права. „По человѣчеству“, мнѣ не хочется думать, что мой „видный“ противникъ окончательно сдѣлался обскурантомъ (въ гетевскомъ смыслѣ). Я предполагаю, что его не такъ поняли. Но какъ бы тамъ ни было, а фактъ тотъ, что, будучи матеріалистомъ, я въ своихъ разсужденіяхъ о политикѣ сознательнаго пролетаріата считаюсь съ нравственностью и правомъ и къ тому же полагаю, что намъ, марксистамъ, никакъ нельзя не считаться съ ними.

Уже первый манифест первого Интернационала, — написанный Марксом, — ставил рабочим на вид, что они должны проникать в тайны международного государственного искусства и наблюдать за дипломатическими подвохами правительств. В случае нужды рабочим надо бороться против них всеми возможными средствами. Если рабочие не могут предупредить тот или другой дипломатический сюрприз, то им слѣдуетъ единодушно, одновременно и открыто протестовать противъ него. Далѣе манифестъ говорилъ, что простые законы нравственности и права, которыми опредѣляются взаимныя сношенія отдельныхъ лицъ, должны также стать высшими законами, опредѣляющими взаимныя отношенія народовъ.

Какъ видно, авторъ манифеста хотѣлъ, чтобы это его указаніе на право и нравственность явилось заключительнымъ аккордомъ его призыва рабочихъ къ объединенію.

„Борьба за такую внѣшнюю политику, — читаемъ мы въ послѣднихъ строкахъ манифеста, — составляетъ одну изъ частей общей борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Г. А. Луначарскій, передавая въ одной изъ женеvскихъ корреспонденцій свой разговоръ съ Ром. Роланомъ, сообщалъ, что знаменитый писатель отмѣтилъ передъ нимъ слѣдующую отрицательную сторону социалистической пропаганды:

„Мнѣ кажется, что нѣкоторыя, безусловно передовыя группы человѣчества, недооцѣиваютъ понятія права и значенія правового чувства. Рабочему классу часто внушаютъ мысль, что и касающіеся его вопросы будутъ разрублены силой организациі только. Организованныя массы, сгруппировавшіяся вокругъ знамени своего интереса и не думающія апеллировать къ обветшавшей идеологіи всякаго тамъ права, кажутся или казались нѣкоторымъ достаточнымъ фундаментомъ для коренной реформы жизни человѣчества... Я думаю... что великій грѣхъ совершенъ тѣми, кто старался подкопать и сгладить этическую сторону социальнаго вопроса“¹⁾.

Если бы Р. Роланъ былъ лучше знакомъ съ литературой новѣйшаго социализма, онъ зналъ бы, что въ указанномъ имъ тяжкомъ грѣхѣ нельзя упрекнуть ни матеріалиста Маркса, ни тѣхъ его послѣдователей, которые правильно поняли матеріалистическое объясненіе исторіи. И онъ, можетъ быть, добавилъ бы, что этическая сторона социальнаго вопроса подкапывалась и сглаживалась на дѣлѣ именно тѣми псевдо-социалистическими „критиками Маркса“, которые на словахъ огорчались мнимымъ невниманіемъ марксистовъ къ „нравственному фактору“.

Марксъ уже по одному тому не могъ пренебрегать этимъ „факторомъ“, что былъ въ числѣ основателей Интернационала.

¹⁾ „Кіевская Мысль“ № 7, 14 марта 1915 г.

Опредѣливъ великую цѣль рабочаго движенія (экономическое освобожденіе пролетаріата), цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство, написанный Марксомъ уставъ Интернаціонала говоритъ, что „всѣ стремленія рабочихъ къ достиженію этой цѣли оставались до сихъ поръ безуспѣшными вслѣдствіе недостатка единодушія между рабочими различныхъ отраслей труда въ каждой странѣ и отсутствія братскаго союза между рабочими различныхъ странъ“...

И что „освобожденіе рабочихъ является не мѣстной только или національной задачей, но, напротивъ, затрагиваетъ интересы всѣхъ цивилизованныхъ націй и можетъ быть достигнуто только ихъ теоретическимъ и практическимъ содѣйствіемъ другъ другу“¹⁾.

Но для того, чтобы стало возможнымъ это содѣйствіе, для того, чтобы въ реальной жизни, — а не только въ благородной мечтѣ, — возникъ братскій союзъ между рабочими различныхъ странъ, необходимо признаніе всемірнымъ пролетаріатомъ тѣхъ „простыхъ законовъ нравственности и права“, упоминаніемъ о которыхъ многозначительно заканчивается первый манифестъ Интернаціонала.

Вы знаете, что я не кантіанецъ и не люблю опираться на Канта. Но когда рѣчь заходитъ

¹⁾ Коммунистическій манифестъ указывалъ на это еще въ началѣ 1848 года: „соединеніе усилий, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ есть одно изъ первыхъ условий освобожденія пролетаріата“.

о простыхъ законахъ нравственности и права, нельзя иногда не вспомнить и объ авторѣ „Критики практическаго разума“.

„Во всемъ твореніи все, что угодно и для чего угодно, имѣетъ значеніе только какъ средство; но человѣкъ... есть цѣль въ себѣ самомъ, — говоритъ Кантъ, — это именно субъектъ моральнаго закона, который святъ въ силу автономіи своей свободы. Именно поэтому... каждое лицо ограничиваетъ свою собственную, на самое себя направленную волю условіями соотвѣтствія ея съ автономіею разумаго существа, а именно тѣмъ, что не подчиняется никакой цѣли, которая была бы невозможна по закону, какой могъ бы возникнуть изъ воли самого субъекта; слѣдовательно, она никогда не пользуется этимъ субъектомъ, какъ средствомъ, но всегда смотритъ на него, какъ на цѣль“¹⁾.

Вотъ нравственный законъ, до признанія котораго постепенно возвышается современное цивилизованное человѣчество. Имъ оправдывается, во-первыхъ, борьба пролетаріата отдѣльныхъ странъ за свое освобожденіе отъ ига капитала, третирующаго рабочихъ не какъ самоцѣль, а какъ средство. И въ то же время онъ содержитъ въ себѣ основное правило „внѣшней политики пролетаріата“: ни одинъ народъ не долженъ разсматриваться другими народами,

¹⁾ „Критика практическаго разума“, переводъ Н. М. Соколова, Пгг.р. 1897 г., ст. 105. — Разрядка въ подлинникѣ.

какъ средство; каждый народъ долженъ разсматриваться, какъ самоцѣль. Другими словами: каждый народъ имѣетъ право на самоопредѣленіе.

Буржуазія, провозгласившая этотъ нравственный законъ устами своихъ благороднѣйшихъ мыслителей, ¹⁾ постоянно нарушала его на практикѣ. Она побуждалась къ его разрушенію своимъ жизненнымъ экономическимъ интересомъ. Наоборотъ, жизненный экономическій интересъ пролетаріата побуждаетъ его къ признанію этого нравственного закона. И не только въ томъ смыслѣ, что для него освободить себя отъ ига капитала значитъ перестать быть третируемымъ, какъ средство, но также и въ томъ, что онъ не можетъ освободить себя отъ ига капитала, не признавъ права каждого народа на самоопредѣленіе. Необходимое, для сверженія этого ига, объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ становится возможнымъ только въ той мѣрѣ, въ какой они признаютъ право каждого отдѣльнаго народа на самоопредѣленіе. Признаніе этого права международнымъ пролетаріатомъ составляетъ необходимое предварительное, — психологическое и политическое, — условіе социалистической революціи. Больше того. Пока это право не признано имъ, онъ самъ не существуетъ, какъ созна-

¹⁾ Дѣятельность этихъ благородныхъ мыслителей относится къ тому времени, когда буржуазія боролась за свое освобожденіе.

тельная международная сила, до тѣхъ поръ рабочіе каждой отдѣльной страны идутъ во внѣшней политикѣ за буржуазіей, и до тѣхъ поръ народъ народу — волкъ.

Нѣмецкіе профессора и доценты любятъ читать „фортраги“ на тему: „Кантъ и Марксъ“. Но ни одинъ изъ нихъ не прочелъ фортрага о томъ, какъ соединила экономика новѣйшихъ обществъ рекомендованную Марксомъ „внѣшнюю политику пролетаріата“ съ нравственнымъ закономъ Канта. Повидимому, Р. Роланъ тоже не отдаетъ себѣ отчета въ роковой необходимости этого соединенія!

Только тотъ, кто держится точки зрѣнія сознательнаго международного пролетаріата, имѣетъ право сказать о себѣ: „человѣкъ есмь, и ничто человѣческое не чуждо мнѣ“. Только въ его глазахъ понятіе: „отечество“ не заслоняетъ собою понятія: „человѣчество“.

Идеологи нынѣшней буржуазіи говорятъ: „right or wrong, my country“. Въ вольномъ переводѣ это значитъ: „права или не права моя страна, я иду съ нею“. Послѣдовательные идеологи пролетаріата находятъ, что это слишкомъ узко. Дорожа интересами своей страны, они не приносятъ имъ въ жертву интересовъ человѣчества. Вотъ почему Либкнехтъ и сказалъ, что онъ будетъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, если она ведетъ справедливую войну, т. е. если она обороняетъ свои права, а не нарушаетъ чужія. Этимъ онъ показалъ свою вѣрность завѣтамъ Интернаціо-

нала, строго различавшаго самооборону народа отъ его нападенія на другой народъ ¹⁾.

Теперь въ нѣкоторыхъ социалистическихъ кругахъ замѣчается склонность пренебрегать этимъ различіемъ. Недавно англійская „Независимая Рабочая Партія“ сдѣлала на своемъ съѣздѣ такое постановленіе:

„Соціалисты всѣхъ странъ должны уговориться, что отнынѣ социалистическія партіи будутъ отказываться въ поддержкѣ всякой войны, каковъ бы ни былъ ея внѣшній характеръ, хотя бы номинально то была война оборонительная“ ²⁾.

Это темно. А если война—оборонительная не только „номинально“? Отвѣта нѣтъ. Рѣчь предсѣдателя съезда Джоуэта даетъ основаніе думать, что участіе социалистовъ въ войнѣ оборонительной по существу дѣла было бы одобрено Нез. Раб. Партіей. Съ другой стороны, можно думать, что нѣкоторые члены этой партіи „не пріемлютъ“ войны ни въ какомъ случаѣ. Очевидно, именно ихъ имѣютъ въ виду тѣ „антипатріоты“ европейскаго материка, которые кричатъ, что независимая партія крѣпче всѣхъ другихъ держится завѣтовъ Интернаціонала.

¹⁾ Такое различіе сдѣлано, напримѣръ, въ написанномъ Марксомъ манифестѣ Генеральнаго Совѣта отъ 23 іюля 1870 г. (*Die Internationale von G. I. a e s k h. s. 101*). Оно же играетъ большую роль въ манифестѣ брауншвейтскаго Ausschuss'a эйзенахской партіи отъ 5-го сентября того же года (Еккх., наз. соч., стр. 102). Этотъ манифестъ тоже вышелъ изъ-подъ пера Маркса.

²⁾ „Парижскія Новости“ № 212.

Послѣ сказаннаго мною выше о томъ, какъ относился Интернаціональ къ оборонительной (по существу) войнѣ, излишне повторять, что безусловно непріемлющіе войны члены Независ. Раб. Партіи не спасаютъ завѣтовъ Интернаціонала, а, напротивъ, измѣняютъ имъ. Они несравненно ближе къ точкѣ зрѣнія Л. Толстого, чѣмъ къ воззрѣніямъ Маркса.

Толстой увѣрялъ, что не сталъ бы противиться злу насиліемъ даже въ томъ случаѣ, если бы зулся на его глазахъ убиваль его ребенка. Толстой отрицалъ насиліе и войну во всякомъ случаѣ. Но къ лицу ли социалистамъ слѣдовать примѣру Толстого? That is the question ¹⁾.

Впрочемъ, не одинъ Толстой отвергалъ войну quand même. На цюрихскомъ международномъ съѣздѣ Домела Ньевенгайсъ требовалъ, чтобы въ случаѣ войны социалисты соотвѣствующихъ странъ объявили военную стачку. Въ качествѣ докладчика военной коммисіи я рѣшительно отвергъ предложеніе Домелы. Въ числѣ моихъ доводовъ былъ одинъ, который я позволю себѣ привести здѣсь.

Я говорилъ: „вообразите, что вспыхнула война между двумя странами, въ одной изъ которыхъ

¹⁾ Кстати, англійскіе марксисты долго и часто упрекали Незав. Раб. Партію въ томъ, что она не пріемлетъ классовой борьбы. Интересно было бы знать, пріемлетъ ли она ее теперь. Боюсь, что объ этомъ не нашли нужнымъ справиться ея континентальные хвалители, кичащіеся своимъ радикализмомъ.

вліяніе соціалістовъ очень сильно, а въ другой—очень слабо. Что выйдетъ, если соціалисты сдѣлають удачную военную стачку? Мощь въ той странѣ, въ которой очень сильны соціалисты, будетъ уничтожена. Наоборотъ, военная мощь той страны, въ которой соціалисты очень слабы, останется непоколебленной. При прочихъ равныхъ условіяхъ побѣдитъ эта вторая страна“¹⁾.

Я спросилъ бы „крайнихъ лѣвыхъ“ членовъ „Незав. Рабоч. Партіи“: всегда ли выгодна для дѣла международного соціализма побѣда той страны, въ которой соціалистическая партія очень слаба, надъ тою, въ которой она очень сильна? Думаю, что далеко не всегда. А если не всегда, то не рискуютъ ли они оказать огромную, незамѣнимую услугу тому самому милитаризму, съ которымъ они хотятъ бороться?

Мы должны возставать противъ эксплуатаціи одного народа другимъ, какъ возстаемъ противъ эксплуатаціи трудящейся массы господствующими классами.

Эксплуаторъ угнетаетъ, слѣдовательно, нападаетъ; эксплуатируемый стремится освободить себя отъ угнетенія; слѣдовательно—обороняется.

Какъ же не различать самообороны отъ нападенія?

¹⁾ См. мою статью: „La question militaire au congrès de Zurich“ въ одномъ изъ осеннихъ номеровъ,—не помню, въ какомъ именно,—парижской „Ere Nouvelle“ за 1893 г.

Фейербахъ говорилъ: „Vulgus non distinguit“. Я совѣтую моимъ противникамъ почаще вспоминать эти слова нѣмецкаго материалиста.

Дальше. Вообще говоря, международному соціализму невыгодно пораженіе той страны, въ которой очень сильна его партія. Однако, есть условіе, при которомъ соціалисты всѣхъ странъ безусловно должны привѣтствовать военную неудачу такой страны: если война затѣяна этою страной ради подчиненія и эксплуатаціи страны (или странъ) менѣе развитой (развитыхъ) въ экономическомъ отношеніи.

Мы всѣ,—за весьма понятнымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ соц.-дем. оппортунистовъ,—желали пораженія Англіи въ ея войнѣ съ бурами. И никто изъ насъ,—опять за исключеніемъ,—никогда не желалъ успѣха капиталистическимъ странамъ въ ихъ военныхъ столкновеніяхъ съ туземцами ихъ колоній. Мы не подражали примѣру фейербаховскаго vulgus'a. Мы различали.

VI.

Теперь перехожу къ вашему письму, т. Нусиновъ.

Въ лицѣ какого-то Невскаго, издающаяся въ Америкѣ русская газетка „Новый Міръ“ съ большимъ огорченіемъ повѣдала своимъ читателямъ, что я сдѣлалъ непростительную ошибку. Я, изволите ли видѣть, „забылъ или

не понялъ, что на известной стадіи своего развитія капитализмъ не можетъ мириться съ тѣми государственными рамками, которыя имъ же созданы на зарѣ своей исторіи, а стремится къ міровому господству, и что войны современныхъ государствъ,—будь то страны тройственного (нынѣ двойственного) союза или тройственного соглашения, безразлично, — суть войны империалистическія“¹⁾.

Огорченная газетка, подобно *vulgus'u*, non distinguit. Она убѣждена, что въ империалистическихъ войнахъ нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ. Я не отвѣтилъ на выходку полуграмотнаго листка. Но ваше письмо, товарищ Н—новъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что вы умѣете мыслить. И я тѣмъ болѣе удивился, неожиданно встрѣтивши въ немъ странный логическій промахъ.

Вы приводите то мѣсто моей брошюры, гдѣ говорится, что пораженіе Россіи Германіей повело бы къ обѣднѣнію источника всѣхъ нашихъ освободительныхъ стремленій, такъ какъ замедлило бы экономическое развитіе нашей родины.

Вы сопоставляете это мѣсто съ тою,—у меня же изложенною,—мыслью Л. Франка, что побѣда Германіи принесла бы ей пользу въ экономическомъ отношеніи. И, основательно предполагая, что тутъ я согласенъ съ Франкомъ, вы умозаключаете:

„А если это такъ, то, забывъ на минуту

¹⁾ Корреспонденція изъ Парижа въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ.

вопросы нравственности и права, отрѣшившись на минуту отъ интернаціональной точки зрѣнія въ пользу національной, надо согласиться, что пролетаріатъ каждой данной націи или страны заинтересованъ въ успѣхѣ империализма на родинѣ. По моему, отъ международной точки зрѣнія намъ, марксистамъ, нельзя отвлекаться даже на минуту. И точно также, ни на одно мгновеніе мы не можемъ забывать о вопросахъ нравственности и права. Это очень важно. Но я пока оставляю это въ сторонѣ. Сейчасъ для меня главное не въ этомъ.

Я никогда не говорилъ, что русскій пролетаріатъ заинтересованъ въ побѣдѣ русскаго империализма, и никогда этого не думалъ. А убѣжденъ, что онъ заинтересованъ лишь въ одномъ: чтобы русская земля не сдѣлалась предметомъ эксплуатаціи въ рукахъ германскихъ империалистовъ. А это, согласитесь, нѣчто совсѣмъ другое.

Недавно одинъ французскій литераторъ, хорошо ознакомившійся съ содержаніемъ моей брошюры, написалъ о ней замѣтку, въ которой, очень одобряя страницы, посвященныя мною теперешней тактикѣ германской социал-демократіи, замѣтилъ, однако, что я самъ перехожу на точку зрѣнія нашихъ бывшихъ нѣмецкихъ товарищей, какъ только принимаюсь опредѣлять задачу русскихъ социаль-демократовъ.

Я довольно долго недоумѣвалъ, какимъ чудомъ пришло это въ голову моему французскому критику.

Вѣдъ въ моей брошюрѣ, — текстъ которой очень хорошо извѣстенъ ему, — прямо сказано, что я сочувствую своей родинѣ, когда она подвергается нападенію, и не сочувствую ей, когда она нападаетъ.

Потомъ я понялъ, гдѣ коренится ошибка моего почтеннаго критика.

Онъ — образованный и свободомыслящій чело-вѣкъ. Но онъ не марксистъ. Онъ не привыкъ обращаться съ нашими понятіями и съ нашей терминологіей. Для него гораздо болѣе привычны понятія и термины, связанные съ тѣми освободительными движеніями, которые предшествовали движенію социалистическаго пролетаріата. А понятія и термины, связанные съ освободительными движеніями, предшествовавшими сознательной пролетарской борьбѣ, были, какъ вы знаете, ярко окрашены цвѣтомъ и идеализма. Само собою разумѣется, что общественныя движенія всегда и вездѣ имѣли подъ собою экономическую основу. Но прежде экономическая основа освободительныхъ движеній плохо сознавалась наиболѣе передовыми людьми, которые нерѣдко бывали въ этомъ отношеніи менѣе проницательны, нежели сравнительно отсталые ¹⁾ Передовымъ людямъ казалось тогда, что, если они участвуютъ въ

¹⁾ Для примѣра можно было бы сопоставить взгляды французскихъ социалистовъ-утопистовъ со взглядами Гизо. Но это завело бы меня слишкомъ далеко. (См. мое предисловіе ко второму изданію моего перевода „Манифестъ Коммунистической Партіи“).

освободительномъ движеніи своего времени, то вовсе не ради чьего-нибудь экономического интереса, а единственно для защиты истины и справедливости. Кто заговаривалъ съ ними объ экономикѣ, того они считали „грубымъ матеріалистомъ“. Они не хотѣли, да и не умѣли, различать, о какомъ именно экономическомъ интересѣ толкуютъ люди, подозреваемые ими въ „грубомъ матеріализмѣ“: объ интересахъ эксплуататоровъ или же объ интересѣ эксплуатируемыхъ. Имъ казалось, что въ сущности это все равно. Въ привычномъ для нихъ кругѣ понятій, борьба за экономическій интересъ была несоединима съ борьбою за истину и справедливость. Этимъ и объясняется то общеизвѣстное явленіе, что нерѣдко даже люди, полные самыхъ благородныхъ стремленій къ общественному благу, не одобряютъ программы нынѣшняго социалистическаго пролетаріата пока сохраняютъ старыя идеалистическія понятія, пока не умѣютъ связать экономику со справедливостью. Правильное пониманіе нынѣшняго социализма доступно только людямъ, усвоившимъ себѣ материалистическое объясненіе исторіи.

Какъ ни талантливъ и какъ ни свѣдущъ мой французскій критикъ, я не имѣю основанія считать его „историческимъ матеріалистомъ“. Поэтому я не долженъ удивляться и тому, что онъ отождествилъ мою точку зрѣнія съ точкой зрѣнія покойнаго Л. Франка. Онъ рассуждаетъ совсѣмъ не такъ, какъ рассуждаемъ, — когда

мыслимъ послѣдовательно,—мы, марксисты. Онъ слышитъ, что я, подобно Л. Франку, говорю объ условіяхъ экономическаго развитія своей страны, и рѣшаетъ, что мы съ покойникомъ—одного поля ягода. Я вижу теперь, что это для него естественно.

Но вы—марксистъ, т. Н—овъ. Какъ же вы могли, хотя бы только „на минуту“, упустить изъ виду, что одно дѣло—экономическій интересъ эксплуататора, а другое дѣло—экономическій интересъ эксплуатируемаго?

Неужели вы думаете, что, если возможна экономическая эксплуатація одного класса другимъ, то экономическая эксплуатація одной страны другою принадлежитъ къ области вымысла?

На всякій случай позвольте мнѣ напомнить вамъ, въ чемъ состоитъ природа современнаго империализма.

VII.

„Каждое здоровое государство... нуждается въ расширеніи предѣловъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе переизбытка населенія и промышленнаго перепроизводства. Оно должно имѣть подъ своимъ неограниченнымъ вліяніемъ соотвѣтствующую его величинѣ область меньшаго культурнаго развитія, куда оно могло бы сбывать безпошлинно и безъ конкуренціи перепроизводство своей промышленности, откуда оно также безпошлинно и дешево получало бы сырье“.

Это писалъ года два тому назадъ одинъ австрійскій империалистъ, выступающій подъ псевдонимомъ: „Кассандеръ“ (Кассандра). Примѣняя къ Австріи это свое общее теоретическое положеніе, вѣщая дѣла разсуждала такъ:

„Мы имѣемъ огромную необходимость въ вывозѣ, но мы ничего не дѣлаемъ, чтобы сдѣлать возможнымъ этотъ вывозъ“. Что же собственно слѣдуетъ предпринять? Хорошо было бы завести колоніи; но такъ какъ „ни одной заморской колоніи получить уже нельзя“, то надо воспользоваться тѣмъ, что „положила у нашихъ дверей благопріятствующая намъ судьба“. А положила она Балканы. Австрія имѣетъ полную возможность и должна пріобрѣсти господство на Балканахъ. Она совершаетъ большую ошибку, безучастно смотря на то, какъ растетъ на ея южной границѣ Велико-Сербское государство. Она должна всѣми мѣрами и всѣми силами готовиться къ войнѣ. „Дайте ружья въ руки отрока и вооружите старца!—вопила Кассандра.—Вооружайтесь безпрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днемъ и ночью, чтобы быть готовыми, когда наступитъ день рѣшенія! Наша политика должна удерживать враговъ еще на 2—3 года, пока мы не будемъ готовы и не сможемъ крикнуть: Балканы нужны намъ, и мы ихъ возьмемъ; а кто станетъ намъ поперекъ дороги, того мы отправимъ домой съ окровавленной головой“¹⁾.

¹⁾ Русскій переводъ этой статьи Кассандры появился въ журналѣ „Военное дѣло за границей“ 1914 г. кн.

Австрійская Кассандра не дурно понимаетъ природу современнаго имперіализма. Въ своемъ взглядѣ на него она вполне сходится съ нами, марксистами. Вы, вѣроятно, знаете сдѣланное Каутскимъ опредѣленіе имперіализма:

„Имперіализмъ есть продуктъ высоко развито-го промышленнаго капитализма. Онъ состоитъ въ стремленіи каждой промышленной капиталистической націи подчинять и присоединять къ себѣ все большую и большую аграрную область, не считаясь съ тѣмъ, какія націи ее населяютъ“¹⁾.

Австрія, разумѣется, не считалась съ интересами сербскаго народа. Она повиновалась только властолюбію своихъ правителей и корыстолюбію своихъ имперіалистовъ. Побѣда Австріи, окончательно подчинивъ австрійской эксплуатаціи Сербію, замедлила бы экономическое развитіе этой послѣдней. И было бы вполне естественно, если бы сознательные элементы сербской трудящейся массы сказали: „мы всѣми силами будемъ защищать нашу страну, потому что замедленіе экономическаго ея развитія вредно отразится на всемъ ходѣ ея политическаго и вообще культурнаго развитія“. И, слыша это, никто не имѣлъ бы права утверждать, что со-

за мартъ-апрѣль. Ея содержаніе подробно передано въ „Еже-мѣсячномъ журналѣ“, августъ-сентябрь, 1914 года, статьи А. М. (Австріецъ о задачахъ австрійскаго имперіализма“).

¹⁾ „Neue Zeit“ XXXII. 2, s. 909. Ср. также брошюру Каутскаго; Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund“. Nürnberg 1915, s.

знательные элементы сербскаго населенія сами перешли на точку зрѣнія австрійскихъ имперіалистовъ.

Еще разъ: точка зрѣнія того, кто стремится эксплуатировать, прямо противоположна точкѣ зрѣнія того, кто стремится сбросить съ себя иго эксплуатаціи. Это должно быть ясно даже для Невскаго.

Резолюція базельскаго международнаго социалистическаго съѣзда 1912 г. гласитъ:

„Соціалъ-демократическія партіи Австріи, Венгрии, Кроаціи и Славоніи, Босніи и Герцеговины обязаны со всею энергіею продолжать свою борьбу противъ нападенія придунайской монархіи на Сербію. Ихъ задача заключается въ томъ, чтобы и впредь бороться противъ плана—силою оружія лишить Сербію результатовъ войны, превратить ее въ австрійскую колонію“ и т. д.

Базельская резолюція была подписана также и делегатами Австро-Венгрии. Они забыли о ней, когда,—благодаря той же Австро-Венгрии и Германіи,—началась нынѣшняя война. Но мнѣ хочется думать, что вы, товарищъ, не такъ забывчивы.

Я знаю, что сербскіе социалъ-демократическіе депутаты отказались голосовать за военные кредиты. Но ни откуда не слѣдуетъ, что эти наши товарищи неспособны заблуждаться. Ихъ вотумъ можно признать правильнымъ лишь при одномъ предположеніи: если онъ выражалъ ихъ

увѣренность въ неспособности сербскаго королевскаго правительства защитить страну отъ австрійскаго нашествія. Если же онъ былъ имъ подсказанъ тѣмъ убѣжденіемъ, что социалисты никогда не должны быть за войну, то они жестоко ошиблись.

Въ данномъ случаѣ право было на сторонѣ ихъ отечества.

Но, — твердятъ мои противники, — защищая свою страну, социалисты идутъ съ ея господствующими классами. Жалкій аргументъ! Отказавшись защищать свою страну, социалисты ослабятъ ея силу сопротивленія непріятелю, т. е. сослужатъ службу господствующимъ классамъ нападающаго государства.

И тутъ и тамъ — одно и то же зло. Социалистамъ остается только выбрать наименьшее.

Само собой ясно, что для сербскихъ социалистовъ наименьшимъ зломъ было сотрудничество съ господствующими классами своей собственной страны въ дѣлѣ защиты ея отъ несправедливаго нападенія Австро-Венгрии.

Толкуютъ также о „проискахъ великосербскихъ патріотовъ“. Вы помните, товарищъ, что „происки“ эти „осуждены“ были въ воззваніяхъ германской и австро-нѣмецкой социаль-демократіи, въ воззваніяхъ по поводу готовившейся войны. Я согласенъ, что въ интересахъ общеевропейскаго мира можно было осудить эти „происки“. Но теперь, когда война уже ве-

дется, пора бы вспомнить, что въ проискахъ этихъ выражается стремленіе сербскаго народа къ объединенію и что въ принципѣ мы, социалисты, должны сочувствовать такому стремленію, а не осуждать его. Указываютъ еще на убійство австрійскаго эрцгерцога. Я никогда не былъ террористомъ. Но я не вижу, почему мы должны были бы огорчаться смертью этого наслѣдника австрійскаго престола.

Да и кто не знаетъ теперь, что его убійство было не причиной войны, а лишь предлогомъ къ ея объявленію? Въ итальянскомъ парламентѣ Джіолитти во всеуслышаніе рассказали, что уже въ 1913 г., когда эрцгерцогъ былъ здоровехонекъ, Австро-Венгрія осведомлялась, поддержитъ ли ее Италія въ замышленномъ ею нападеніи на Сербію. Италія отказалась, сославшись на то, что, по смыслу тройственнаго союза, она обязана была поддерживать Австрію и Германію въ оборонительныхъ, а не въ наступательныхъ войнахъ. Изъ этого видно, замѣчу мимоходомъ, что итальянское правительство гораздо проникательнѣе многихъ нашихъ товарищей, которые, по собственному признанію, не видятъ, гдѣ нападеніе и гдѣ оборона. Охъ, слѣпота — большой порокъ!

За Австро-Венгріей стояла Германія, добившаяся экономическаго господства въ Турціи и особенно въ Малой Азіи. Сербія загораживаетъ ей дорогу къ этой ея цѣли. Германскимъ империалистамъ нужно было (посредственно или непосредственно) наложить руку на

ту часть желѣзнаго пути: Берлинъ—Багдадъ, которая проходитъ черезъ Сербію. Достаточно взглянуть на карту Балканскаго полуострова, чтобы понять, откуда нынѣшняя война. Правда общеевропейской войны все-таки не было бы, если бы Россія не ополчилась на защиту Сербіи. Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ европейской цивилизаціи было бы, пожалуй, лучше, если бы Россія осталась спокойной. Но это чисто утилитарное соображеніе не должно насъ ослѣплять. Бернштейнъ говоритъ въ своей брошюрѣ: «Was Russland für Serbien verlangte, deckte sich so ziemlich mit den Forderungen der Internationale der Sozialdemokratie» (То, чего Россія требовала для Сербіи, почти совсѣмъ совпадало съ требованіями социаль-демократическаго Интернаціонала ¹⁾). Это какъ нельзя болѣе вѣрно. Россія требовала международнаго третейскаго суда, котораго требуютъ едва ли не всѣ социаль-демократическія программы. И Сербія выразила полную готовность подчиниться такому суду. Но Бернштейнъ прибавляетъ, что, когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. Опять правильно: не одно и то же. Потому это не одно и то же—и сами говорящіе. Но какое же значеніе могло имѣть это въ разсматриваемомъ случаѣ? Конечно, Россійская имперія—не одно и то же съ социаль-демократическимъ Интернаціоналомъ. А развѣ Австро-Венгерская

и Германская имперіи одно и то же съ нимъ? Только сумасшедшій можетъ вообразить, что мы живемъ въ социалистическомъ обществѣ. Но вѣдь требованіе международнаго третейскаго суда входитъ въ программу-minimum соц.-дем. Интернаціонала, т. е. предъ-является имъ къ нынѣшнему обществу. А если это такъ, то онъ обязанъ былъ поддержать «то, чего Россія требовала для Сербіи».

VIII.

Тутъ опять начинается сказка о бѣломъ бычкѣ: борьба съ царизмомъ, русская опасность для Европы и проч.

Мы уже знаемъ, что именно наиболѣе воинственные соц.-демократы Германіи, — въ родѣ тѣхъ, которые пишутъ въ «Hamburger Echo», — сами не признаютъ рѣшающаго значенія за доводомъ отъ борьбы съ царизмомъ. А что касается Европы, то современный германскій промышленный империализмъ несравненно опаснѣе для нея теперь, нежели ветхозавѣтный—русскій. Австрія стала колебаться. Передача ея спора съ Сербіей на рѣшеніе третейскаго суда сдѣлалась возможной. Германія, не хотѣвшая мира, поспѣшила объявить войну Россіи. Тогда то и произошло то, чего не ожидалъ никто изъ насъ. Наши нѣмецкіе товарищи сказали себѣ, подобно карабинерамъ во французской опереткѣ: c'est le moment de nous

¹⁾ „Die Internationale“, s. 15.

montrer, cachons nous! (пора намъ показаться—спрячемся!). И спрятались, объявивъ постыдную войну, вызванную имперіалистической жаждой наживы, справедливой борьбою за существованіе нѣмецкаго народа. Существованіе существованію рознь. Существованіе хищника не похоже на существованіе мирнаго человѣка. А Германія выступила именно въ роли хищника.

«Sie sind zu spät gekommen»,—говорилъ когда-то Энгельсъ по адресу нѣмецкихъ буржуа. Въ его устахъ это значило, что средній классъ Германіи неспособенъ довести до конца свою политическую борьбу съ юнкерствомъ. Это было вѣрно. Названная борьба закончилась компромиссомъ между юнкерствомъ и буржуазіей. Въ области экономической политики этотъ компромиссъ ознаменовался покровительственными пошлинами на продукты сельскаго хозяйства,—введенными въ интересахъ юнкеровъ,—и такими же пошлинами на продукты обрабатывающей промышленности, установленными для охраны интересовъ промышленной буржуазіи. Теоретикъ покровительственной системы Фридрихъ Листъ доказывалъ, что она необходима для развитія производительныхъ силъ страны, но лишь до поры до времени. Когда производительныя силы достигнутъ извѣстной высоты, полезно и нужно перейти къ свободѣ торговли. Современные германскіе «капитаны промышленности» иначе относятся къ покровительственной системѣ.

Производительныя силы Германіи поднялись теперь на огромную высоту. Но «капитаны», объединившіеся въ предпринимательскіе синдикаты, и слышать не хотятъ объ отмѣнѣ покровительственнаго тарифа. Они пользуются имъ, во-первыхъ, для того, чтобы, охраняя отъ иностранной конкуренціи внутренній рынокъ Германіи, а во вторыхъ, для того, чтобы подѣ его прикрытіемъ, завоевать иностранные рынки. Извѣстно, какъ это дѣлается. Покровительственный тарифъ, ослабляющій иностранную конкуренцію на внутреннемъ рынкѣ, позволяетъ синдикатамъ продавать за границей германскіе товары гораздо дешевле, чѣмъ въ самой Германіи. Такъ совершается мирное завоеваніе иностранныхъ рынковъ. Но производительныя силы передовыхъ капиталистическихъ странъ растутъ такъ быстро, что мирное завоеваніе иностранныхъ рынковъ не всегда удовлетворяетъ ихъ потребность въ сбытѣ. Отсюда—указанное Каутскимъ и австрійской Кассандрой стремленіе передовыхъ промышленныхъ странъ силою обезпечить себѣ преобладающее экономическое вліяніе въ тѣхъ или другихъ аграрныхъ областяхъ.

Стремленіе это еще дальше усиливается тѣмъ, что руководящее значеніе въ жизни передовыхъ капиталистическихъ странъ все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ теперь финансовый капиталъ, по самой природѣ своей гораздо болѣе склонный къ авантюрамъ, нежели промышленный.

Резолюція Лондонской соціалистической конференції говорить, что отвѣтственность за совершенную войну падаетъ на всѣ европейскія правительства, такъ какъ всѣ они вели империалистическую политику. Это такъ. Всѣ передовыя капиталистическія государства повинны въ империализмъ новѣйшаго рода. Однако и тутъ надо различать. Ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы, что всѣ капиталистическія страны въ одинаковой мѣрѣ прибѣгаютъ къ насилію. Нѣтъ, тутъ между ними не малая разница. Можетъ быть, даже г. Невскій слыхалъ, что, напримѣръ, англійскій империализмъ сильно отличается въ этомъ отношеніи отъ германскаго. Не говоря уже о томъ, что области, подчиненныя Англіи, пользуются гораздо большей экономической и политической свободой, нежели области, въ которыхъ «культура» насаждается нѣмецкимъ «бронированнымъ кулакомъ», германскій империализмъ вообще гораздо воинственнѣе англійскаго. Это обуславливается, конечно, не свойствами германской расы, а тѣмъ простымъ историческимъ обстоятельствомъ, что германскій капитализмъ «пришелъ слишкомъ поздно». Вспомните, что говорила австрійская Кассандра: «на земномъ шарѣ уже нѣтъ свободныхъ земель; поэтому мы должны взять Балканы, раскровянивъ голову тому, кто вздумалъ бы противиться этому».

Но если германскій империализмъ воинственнѣе всякаго другого, то ясно, что онъ болѣе,

нежели всякій другой, угрожалъ европейскому миру. Очень жаль, что лондонская конференція не отмѣтила этого въ своей резолюціи.

Европейскій пролетаріатъ заинтересованъ въ сохраненіи мира. Поэтому онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ вопросу о томъ, какое государство больше и чаще другихъ грозитъ нарушить миръ. А когда угроза становится дѣйствиємъ, когда то или другое государство, повинаясь корыстолюбію своихъ империалистовъ, начинаетъ войну, тогда противъ него должно быть направлено негодованіе сознательнаго пролетаріата всѣхъ странъ.

Мы съ вами, товарищъ, знаемъ, какія именно страны явились нарушительницами мира: это превосходно разъяснилъ намъ Vorstand германской с.-д. партіи. Но вы, можетъ быть, все-таки не представляете себѣ во всемъ ихъ объемѣ тѣхъ экономическихъ и политическихъ послѣдствій, которыя повело бы за собою пораженіе «союзниковъ», т. е. Франціи, Россіи, Англіи и проч.

Въ разговорѣ съ великобританскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Гошэпомъ, германскій канцлеръ, желая подвинуть Англію къ сохраненію нейтралитета, увѣрялъ его, что Германія не стремится къ территориальнымъ приобрѣтеніямъ на счетъ Франціи. Гошэпъ спросилъ, считаетъ ли Германія возможнымъ отплатить у Франціи ея колоній? На это канцлеръ отвѣтилъ

уклончиво, чтобы оставить за собой свободу действий.

Оно и понятно: отнятіе у Франціи ея колоній входило въ планы Германіи. Но вопреки тому, что сказала Бетманъ-Гольвегъ Гошэну, даже въ томъ, что касалось Франціи, планы эти были несравненно шире, нежели присвоение французскихъ колоній. Въ сентябрѣ прошлаго года, когда нѣмцы были твердо увѣрены въ своей побѣдѣ, они собирались продиктовать Франціи слѣдующія условія мира:

Франція уступаетъ Германіи всѣ свои колоніи, со включеніемъ Марокко, Туниса и Алжира; она уступаетъ ей также болѣе четверти своей территоріи въ Европѣ съ населеніемъ болѣе 15 миллионъ душъ; она уплачиваетъ ей золотомъ десять миллиардовъ франковъ; она заключаетъ съ ней торговый договоръ, на основаніи котораго, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, германскіе товары безпошлинно ввозятся на ея территорію, причемъ, однако, Франція не получаетъ такого же права по отношенію къ Германіи; послѣ двадцати пяти лѣтъ входитъ въ силу франкфуртскій торговый договоръ 1871 г.; въ теченіе двадцати пяти лѣтъ во Франціи прекращается призывъ гражданъ къ отбыванію воинской повинности; Франція разрушаетъ всѣ свои крѣпости; она доставляетъ Германіи три миллиона ружей, три тысячи пушекъ и сорокъ тысячъ лошадей; въ теченіе двадцати пяти лѣтъ Германія пользуется во Франціи (безъ взаимности) правомъ патентовъ; Франція разрываетъ

свой союзъ съ Англіей и Россіей и заключаетъ на двадцать пять лѣтъ союзъ съ Германіей ¹⁾.

Если бы осуществился этотъ планъ жадныхъ германскихъ акулъ, то пришлось бы воскликнуть:

Finis Galliae!

Какъ вы думаете, товарищъ, могли ли французскіе социалисты отказаться защищать свою страну, когда Германія готовила ей этотъ конецъ? И не грѣшатъ ли непрослительнымъ грѣхомъ противъ права каждаго народа на существованіе ²⁾, не говорятъ ли дикаго и преступнаго вздора тѣ наши обскуранты, которые не хотятъ примириться со вступленіемъ Гэда и Самба въ министерство?

Обскуранты старательно разогрѣваютъ ту мысль анархистовъ (извѣстнаго оттѣнка), что пораженіе любой капиталистической страны вредно отразится только на интересахъ ея буржуазіи. Опять вздоръ! Если бы германскія акулы сожрали французскую республику, то отъ этого больше всего пострадало бы именно трудящееся населеніе Франціи. Французскіе буржуа,—точнѣе, французскіе капиталисты,—сумѣли бы приспособиться и къ германскому игу. Извѣстно, что и до войны значительная часть француз-

¹⁾ См. статью: „Il problema della Pace“ въ „Il Secolo XIX“ за 28 апрѣля 1915 г.

²⁾ Права, признаннаго въ нашей программѣ.

скаго капитала работала въ германскихъ предпріятіяхъ ¹⁾).

Вы, конечно, предполагаете, что въ той части французской территоріи, которая отошла бы къ Германіи, у населенія остались бы по крайней мѣрѣ права по имуществу, согласно обычаю, установившемуся во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Ошибаетесь. Одной изъ составныхъ частей «великой цѣли», преслѣдуемой германскими имперіалистами, было обезземеленіе жителей тѣхъ территорій, которыя были бы отняты у побѣжденныхъ Германіей странъ ²⁾). Добродушные нѣмцы находили, что Франція даже выигрываетъ, благодаря осуществленію этого геніальнаго плана, такъ какъ ея населеніе станетъ гуще вслѣдствіе прилива въ нее жителей изъ уступленныхъ ею Германіи провинцій.

Что касается насъ, русскихъ, то германскіе имперіалисты очень кстати вспомнили, какую большую роль играло переселеніе на новыя мѣста во внутренней исторіи нашей родины. Одержавъ побѣду надъ Россіей, Германія присвоила бы себѣ русскую Польшу, жители ко-

¹⁾ См. Lysis'a: „Les capitalistes français contre la France“ и его же: „Contre l'oligarchie financière en France“.

²⁾ Das ist das grosse Ziel: nicht lediglich eine Kriegsent-schädigung in Baargeld sondern vornehmlich eine Kriegsent-schädigung auch in Landeigentum! (См. 35 стр. брошюры Arthur'a Dix'a: „Der Weltwirtschaftskrieg, изданной съ благословенія Georg'a Irmer'a, Karl'a Lamprecht'a (!) въ серіи — „Zwischen Krieg und Frieden“.

торой были бы переселены въ Россію. Въ свою очередь, Россія очистила бы для изгнанныхъ изъ Польши поляковъ нѣсколько своихъ губерній. Это было бы не трудно для нея въ силу только что упомянутой привычки россіянъ къ переселеніямъ на новыя мѣста ¹⁾).

Интересная подробность: согласно этому плану, Германія никоимъ образомъ не должна брать на себя одиумъ обезземеленія жителей всѣхъ мѣстностей, которыя она завоюетъ на Западѣ и на Востокаѣ. Это гнусное дѣло должно быть совершено самими побѣжденными странами прежде, чѣмъ имъ дарованы будутъ блага мира. Значитъ, Россія уступила бы Германіи не Польшу, а болѣе или менѣе обширную пустыню, которую прежде населяли поляки, и которая теперь русскими руками будетъ приготовлена для поселенія въ ней нѣмецкихъ завоевателей.

Finis Poloniae!

Излишне гадать о томъ, какой великолѣпный торговый договоръ подарили бы намъ наши великодушные побѣдители. Вы легко можете представить себѣ это и послѣ того, что сказано выше о проектѣ договора съ Франціей.

Татарское иго замедлило наше экономическое, а съ нимъ и все культурное развитіе. Оно вызвало къ жизни нашъ политическій поря-

¹⁾ Dix, der Weltwirtschaftskrieg, стр. 33—41.

докъ. Нѣмецкая побѣда остановитъ наше экономическое развитіе, положить конецъ европеизаціи Россіи и увѣковѣчить этотъ старый порядокъ.

Для увѣковѣченія стараго порядка достаточно будетъ того политическаго союза съ Германіей, который навязжутъ намъ побѣдители.

Finis Rutheniae!

Конецъ Россіи! Всей той Россіи, которая трудилась и мыслила, страдала и боролась за лучшее будущее, — боролась съ измѣнниками, погромщиками и реакціонерами.

И наши обскуранты хотятъ, чтобы я оставался равнодушнымъ въ виду такой перспективы? За кого же принимаютъ они меня?! Я еще не опредѣлялся на службу къ акуламъ германскаго имперіализма; я еще не вступалъ въ „Союзъ освобожденія Украины“. Россія принадлежитъ своему трудящемуся населенію. Кому дороги интересы этого населенія, тотъ не можетъ быть равнодушенъ къ судьбамъ Россіи.

IX.

„Не защищать свою страну отъ нѣмецкаго нашествія, а дѣлать революцію должны мы въ нынѣшнее роковое время!“

Такъ говорятъ нѣкоторые мои противники. Но революція предполагаетъ революционизированіе общественныхъ отношеній. Это цѣлый процессъ.

Война бывала иногда матерью революціи. Но всякій разъ, когда революція рождалась въ мукахъ войны, она была плодомъ разочарованія народа въ способности его правительства защитить страну отъ непріятеля. Горе мнимымъ революціонерамъ, направляющимъ свою агитацію въ разрѣзъ съ естественнымъ и неизбежнымъ стремленіемъ народа дать отпоръ внѣшнему врагу! Всѣ ихъ условія заранѣе осуждены на постыдную и — что еще хуже — вполне заслуженную неудачу.

Акулы германскаго имперіализма говорятъ такимъ циничнымъ языкомъ, что къ нему никакъ не могутъ привыкнуть даже самые... разсчетливые нѣмецкіе социаль-демократы. Такъ, Шейдеманъ не одобряетъ языка Пааше. Онъ даетъ понять, что его единомышленники въ с.-д. партіи не желаютъ насильственныхъ территориальныхъ присоединеній. Это можетъ быть и такъ. Но тутъ особенно уместно опять повторить съ Бернштейномъ: когда двое говорятъ одно и то же, это — не одно и то же. Когда я слышу, что т. Шейдеманъ „пламенно“ отвергаетъ мысль о насильственныхъ территориальныхъ присоединеніяхъ, я говорю себѣ: „Онъ боится, что Эльзасъ и Лотарингія будутъ присоединены къ Франціи. О судьбѣ Бельгіи и занятыхъ нѣмцами губерній русской Польшы врядъ ли очень заботится т. Шейдеманъ.“¹⁾

¹⁾ Часть нѣмецкой социаль-демократіи питаетъ наивную увѣренность въ томъ, что населеніе Эльзаса и Лотарингіи

Да если бы и заботился, толку изъ этого вышло бы немного. Германскіе социаль-демократы охотно помогали тѣмъ, которые выпускали противъ насъ хищнаго звѣря. А теперь они успокоительно и великодушно говорятъ намъ: „повѣрьте, мы не желаемъ, чтобы онъ васъ растерзалъ“. Но въ этомъ случаѣ зачѣмъ же было выпускать его изъ клѣтки?

Притомъ вопросъ не только въ насильственныхъ присоединеніяхъ. Какъ сообщила „L'Humanité“, пресловутый Зюдекумъ, говоря противъ территориальныхъ присоединеній, замѣтилъ, что Германія можетъ вознаградить себя торговыми договорами. Что правда, то правда! Очень и очень можетъ. Et cetera promet...

Стыдно сказать, а грѣхъ утаить: многіе германскіе социаль-демократы заражены духомъ империализма. Вдумайтесь въ поведеніе Зюдекума или прочтите брошюры Гейниша, Ленша и Кунова. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ этотъ послѣдній. Куновъ—не только образованный, а прямо ученый человѣкъ. Онъ съ успѣхомъ примѣнялъ методъ Маркса въ области этнологіи и вообще былъ послѣдовательнымъ марксистомъ. И вотъ теперь этотъ ученый и послѣдовательный марксистъ, ссылаясь на историческую необходимость, доказываетъ ¹⁾, что возставать противъ империализма могутъ только утописты;

желаетъ остаться въ германскомъ подданствѣ. И это послѣ всѣмъ еще памятныхъ волненій въ Цабернѣ!

¹⁾ См. его брошюру: „Parteizusammenbruch“ и его полемику съ Каутскимъ въ „Neue Zeit“, вызванную этой брошюрой.

марксисты же должны использовать его въ интересахъ рабочаго класса. Это значитъ вотъ что: германскіе социаль-демократы помирятся съ тѣмъ, что Германія такъ или иначе подчинитъ себѣ извѣстныя страны съ цѣлью ихъ экономической эксплоатаціи; но при этомъ ихъ партія добьется уступки германскому рабочему классу нѣкоторой части завоеванной добычи.

Это возвращаетъ меня къ вашему письму. Вы ошиблись, сдѣлавъ изъ моей брошюры тотъ выводъ, что пролетаріатъ каждой страны заинтересованъ въ торжествѣ империализма. Но, вы правы, поскольку пролетаріатъ Германіи и отчасти Австро-Венгріи извлечъ бы извѣстную выгоду изъ побѣды империализма. И вотъ у васъ, повидимому, возникаетъ вопросъ: не ошибся ли Марксъ? не является ли крахъ второго Интернаціонала въ то же время и крахомъ матеріалистическаго объясненія исторіи или, по крайней мѣрѣ, научнаго социализма?

Противники Маркса скажутъ (и говорятъ): «Конечно, является».—Что пишетъ В. Черновъ? Онъ пишетъ: закройте Маркса и откройте Михайловскаго, къ которому полезно присовокупить В. Чернова, такъ какъ покойникъ все-таки поустарѣлъ.

Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ: обойдемся и безъ Михайловскаго, а также—и еще того легче!—безъ В. Чернова.

Если Германія побѣдитъ, то она создастъ, насчетъ побѣжденныхъ народовъ, исключительно выгодное положеніе для своей промыш-

шленности. Такое исключительное положение, несомненно, принесетъ извѣстныя выгоды германскому пролетаріату. Положеніе извѣстныхъ слоевъ англійскаго рабочаго класса было сравнительно недурно въ теченіе того періода, когда Англія пользовалась господствомъ на всемірномъ рынкѣ. Т. Куновъ знаетъ это и потому настаиваетъ на «исторической необходимости» имперіализма. Знаютъ это и всѣ остальные германскіе социалисты-имперіалисты. А рабочій классъ болѣе или менѣе смутно догадывается объ этомъ—и храбро дерется «за существованіе Германіи». Это такъ.

Пока англійскій рабочій классъ чувствовалъ себя въ исключительно выгодномъ положеніи, онъ не имѣлъ никакого сочувствія «къ дикимъ планамъ (Wildschemen) континентальнаго социализма», какъ выражались нѣкоторые его вожаки. Если Германія побѣдитъ, и если въ карманы нѣмецкихъ рабочихъ перепадетъ нѣкоторая часть добычи, то германскій социализмъ будетъ «пересмотрѣнъ» (ревизованъ) до-тла, и германскіе социаль-демократы заговорятъ такимъ языкомъ, котораго мы до сихъ поръ и не слыхивали. И, конечно, это будетъ крайне печально. Правильно говоритъ Евангеліе: «Соль—добрая вещь; но если соль потеряетъ силу, чѣмъ исправить ее? Ни въ землю, ни въ навозъ не годится»...

Соль германской земли потеряетъ свою силу и не будетъ годиться ни въ навозъ, ни въ землю. Однако, вѣдь, и это не опровергнетъ материалистическаго объясненія исторіи. Напро-

тивъ, это подтвердитъ его, такъ какъ лишній разъ покажетъ, что не бытіе опредѣляется сознаніемъ, а сознаніе—бытіемъ.

Но изъ того, что сознаніе опредѣляется бытіемъ, еще не слѣдуетъ, что бытіе опредѣляетъ сознаніе пролетаріата въ сторону социалистическаго идеала. Такъ какъ духъ имперіализма проникъ въ среду нѣмецкаго пролетаріата, то „критики“ Маркса скажутъ, пожалуй: объективная логика общественнаго развитія ведетъ пролетаріевъ всѣхъ странъ совсѣмъ не туда, куда хотѣлъ ихъ вести Марксъ; она заставляетъ ихъ не объединяться между собою, а вести взаимную борьбу на жизнь и смерть за всемірный рынокъ.

Вы, т. Н—овъ, предвидите это возраженіе „критиковъ Маркса“: оно какъ будто смущаетъ васъ, и вы хотите знать, какъ я думаю о немъ.

X.

Я думаю вотъ какъ.

То обстоятельство, что Марксъ вѣрно опредѣлилъ отношеніе бытія къ сознанію въ ходѣ историческаго развитія,—т. е. правильность материалистическаго объясненія исторіи,—дѣйствительно еще не ручается за торжество международнаго социализма. Чтобы оно явилось ручательствомъ за него, необходимо доказать предварительно, что объективныя условія, воспитывающія современный пролетаріатъ въ

духъ интернаціональной солидарности, сильнѣе, нежели тѣ, подѣ влияніемъ которыхъ въ немъ возникаютъ иногда національно-эгоистическія вождельнія. Но доказать это не такъ трудно, какъ кажется критикамъ Маркса.

Нѣмецкій пролетаріатъ поддавался искушенію тѣхъ выгодъ, которыя сулить ему торжество германскаго имперіализма. Стало быть,—умо-заключаете вы,—экономическій интересъ заставилъ его повернуться спиною къ международному социализму. Вашъ выводъ правиленъ. Однако, не надо преувеличивать его значеніе.

Въ маломъ размѣрѣ и въ нѣсколько иной общественной обстановкѣ то, что мы увидѣли на примѣрѣ нѣмецкаго пролетаріата, повторяется передъ нами чуть не каждый день, нисколько не подрывая нашей вѣры въ будущее торжество социализма. Возьмемъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ нѣмецкіе социаль-демократы клеймятъ названіемъ Streickbrecher'овъ.

Измѣняя своимъ товарищамъ, Streickbrecher'ы, конечно, получаютъ извѣстныя выгоды. Но что же изъ этого? Ихъ измѣна нисколько не устраняетъ противоположности интересовъ наемнаго труда и капитала, а потому и не вырываетъ почвы изъ-подъ ногъ социалистической партіи. Чѣмъ дальше подвигается экономическое развитіе нынѣшняго общества, тѣмъ яснѣе сознаетъ пролетаріатъ свое положеніе въ немъ, тѣмъ лучше организуетъ онъ силы и тѣмъ глубже возмущаютъ его дѣйствія Streick-

brecher'овъ. А чѣмъ глубже возмущаютъ его ихъ дѣйствія, тѣмъ рѣже они становятся. Неудовольствіе рабочихъ противъ тѣхъ своихъ товарищей, которые измѣняютъ общественному дѣлу, само обуславливается экономикой нынѣшняго общества. И въ то же время оно служитъ однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ самовоспитанія пролетаріата.

Печальное явленіе обыденнаго Streickbrecher'ства отнюдь не колеблетъ основательности научнаго социализма. Не колеблетъ ее и еще болѣе печальное явленіе того Streickbrecher'ства des grossen Stils, которое практиковалось когда-то верхними слоями англійскаго рабочаго класса, а теперь будетъ, пожалуй, практиковаться пролетаріатомъ Германіи.

Исключительное положеніе, которымъ пользовался англійскій пролетаріатъ въ то время, когда Англія господствовала на всемірномъ рынкѣ, замедлило процессъ развитія его классоваго самосознанія. Но оно не остановило развитія самосознанія пролетаріата въ остальныхъ капиталистическихъ странахъ. Именно въ это время возникъ Интернаціональ, положившій въ основу своей „внѣшней политики“ простые законы нравственности и права. Есть ли основаніе думать, что исключительное положеніе германскаго пролетаріата, которое было бы создано побѣдой Германіи, повсюду остановило бы распространеніе идей Интернаціонала?—Нѣтъ.

Конечно, если побѣдитъ Германія, то Европѣ придется плохо, а въ европейскомъ социализмѣ „властителями думъ“ станутъ на время Зюдекумы, Гейниши, Гейне, Кварки, Шейдеманы и пр., имъ подобные, товарищи. Но кромѣ Европы есть Америка, есть Азія, въ которыхъ капитализмъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Побѣда Германіи, безспорно, замедлитъ распространение идей социализма даже и въ другихъ частяхъ свѣта, но остановить его совершенно она не можетъ по той же причинѣ, по которой она не можетъ повернуть назадъ колесо экономического развитія.

Если тѣ выгоды, которыя получить германскій пролетаріатъ отъ своего колоссальнаго Streickbrecher'ства, сдѣлаютъ его слѣпымъ по отношенію къ общему интересу пролетаріата въ его всемірномъ цѣломъ, то вѣдь этотъ интересъ не перестанетъ существовать. А если онъ не перестанетъ существовать, то не перестанетъ и проникать въ умы пролетаріевъ другихъ частей свѣта,—если же уже суждено европейскому социализму замереть въ желѣзныхъ лапахъ германскихъ империализмовъ,—сознаніе той истины, что они не могутъ освободиться иначе, какъ посредствомъ дружнаго объединенія своихъ усилій на почвѣ международной солидарности. А тѣмъ сильнѣе будетъ проникать въ умы рабочихъ это сознаніе, тѣмъ больше будутъ они возмущаться, какъ малымъ, такъ и большимъ Streickbrecher'ствомъ. И это ихъ возмущеніе будетъ слу-

жить не только средствомъ дальнѣйшаго воспитанія тѣхъ изъ нихъ, которые неповинны въ Streickbrecher'ствѣ, и страдаютъ отъ него, но также и средствомъ отрезвленія тѣхъ, которые его практикуютъ.

Да и можетъ ли быть очень продолжительнымъ Streickbrecher'ство германскаго пролетаріата? Вполнѣ ли былъ основателемъ (gründlich) тотъ „расчетъ“ которымъ опредѣлилось нынѣшнее поведеніе „большой“ с.-д. партіи? Есть выгоды и выгоды. Прочны ли тѣ, которыя приобрѣтаются посредствомъ Streickbrecher'ства?

Нѣкоторые слои англійскаго рабочаго класса получили выгоду отъ того исключительнаго положенія на всемірномъ рынкѣ, которымъ пользовалась Англія въ теченіе извѣстнаго періода. Но за эту выгоду англійскій пролетаріатъ заплатилъ слишкомъ дорогой цѣной. Она замедлила развитіе его классового сознанія, т. е. ослабила его позицію въ борьбѣ съ господствующими классами. Нынѣшнее положеніе англійскаго пролетаріата далеко не такъ благоприятно, какъ оно могло бы быть, если бы въ развитіи его самосознанія не произошло указаннаго замедленія. Въ послѣднемъ счетѣ онъ гораздо больше проигралъ, нежели выигралъ отъ своего исключительно выгоднаго положенія. То же будетъ и съ германскимъ пролетаріатомъ, если осуществляются планы германскихъ империалистовъ. Это—съ экономической стороны. А съ политической оно обстоить еще хуже для германскаго пролетаріата.

Лѣтъ семнадцать тому назадъ Вольфгангъ Гейне, вдохновленный только что начавшимся тогда „пересмотромъ Маркса“, выдумалъ формулу: „Kanonen gegen Volksrechte“. Она означала, что социаль-демократы будутъ голосовать военные кредиты, — дадутъ правительству пушки, — а правительство дастъ имъ за это „народныя права“. Эту формулу усвоилъ себѣ покойный Франкъ; ее усвоилъ себѣ Зюдекунъ; ее усвоило себѣ большинство германской социаль-демократіи. Наши нѣмецкіе товарищи даютъ своему правительству пушки, съ помощью которыхъ опустошается Бельгія, Франція, Польша. И они довѣрчиво ожидаютъ, что въ обмѣнъ на пушки правительство одаритъ народъ „правами“. У нихъ гора сваливается съ плечъ, когда они представляютъ себѣ, что теперь уже не нужно будетъ дѣлать массовую стачку (которая портитъ организацію), напримеръ, для завоеванія всеобщаго избирательнаго права въ Пруссіи: право это будетъ дано имъ въ награду за кровавый трудъ удушенія Польши, Франціи, Бельгіи. Но они обманываютъ себя несбыточной надеждой. Пушки, данныя германской социаль-демократіей нѣмецкому императору, очень пригодны для угнетенія другихъ странъ. Но не менѣе пригодными покажутъ онѣ себя и въ дѣлѣ угнетенія Германіи. Германскіе консерваторы уже теперь поговариваютъ, что не слѣдуетъ уступать требованіямъ демократіи. А что мы услышимъ потомъ?

Рабочій классъ Германіи какъ будто уже

начинаетъ, — правда, только-только еще начинаетъ, — сознавать, что его вожаки ошиблись въ расчетѣ. Въ его средѣ возникаетъ, — правда, только-только еще возникаетъ, — оппозиція политикѣ имперіалистическаго социализма. Надо надѣяться, что германскія правящія сферы сдѣлаютъ, съ своей стороны, все возможное для упроченія и ускоренія роста этой оппозиціи.

Наконецъ, вѣдь мы еще не знаемъ, побѣдитъ ли Германія. Твердое намѣреніе пролетаріата воюющихъ съ ней странъ бороться до конца позволяетъ думать, что на этотъ разъ германскому императору не придется украсить себя лавровымъ вѣнкомъ. Весьма вѣроятное вмѣшательство Италіи еще больше увеличитъ шансы избавленія Европы отъ грозящаго ей ига германскаго имперіализма. А вмѣстѣ съ этими шансами будетъ увеличиваться также и вѣроятность отрезвленія нѣмецкихъ рабочихъ. Можетъ быть, гораздо скорѣе, чѣмъ мы этого ожидаемъ, нѣмецкіе рабочіе вспомнятъ золотыя слова Маркса о томъ, что у пролетаріата, сознавшаго свой классовый интересъ во всей глубинѣ и во всей широтѣ его истиннаго содержанія, не можетъ быть другой „внѣшней политики“, кромѣ той, въ основѣ которой лежатъ простые законы нравственности и права. Тогда они содрогнутся, представляя себѣ всѣ тѣ кровавые ужасы и всѣ тѣ дикія безчинства, которыми ознаменовалось вторженіе германскихъ армій въ сосѣд-

нія страны. Тогда они проклянутъ близорукую расчетливость господъ „ревізіонистовъ“ и опять вернутся на почву Интернаціонала.

Сказать по правдѣ, я не знаю, какая встрѣча предстоить германскимъ социаль-демократамъ на томъ международномъ съѣздѣ, который созванъ будетъ современемъ для возстановленія Интернаціонала. Вѣроятно,—не весьма сердечная: вѣдь непріятно же пожимать руки, пахнущія кровью невинно-убитыхъ. Тутъ не помогутъ ни „ароматы Аравіи“, ни позднія сожалѣнія. Но тутъ исполнѣ умѣстно будетъ подчиненіе сердца разсудку. Ради своего великаго дѣла Интернаціональ долженъ будетъ принять во вниманіе даже и запоздалыя сожалѣнія. Онъ долженъ будетъ сказать германскому пролетаріату, какъ говоритъ у Байрона ангелъ Каину, выражающему раскаяніе въ убійствѣ Авеля:

„Что сдѣлано, то сдѣлано...

... Пусть дѣла

Твои впередъ не будутъ сходны съ этимъ“...

XI.

Пролетаріатъ каждой отдѣльной страны существенно заинтересованъ въ томъ, чтобы давать сильный и своевременный отпоръ тѣмъ группамъ рабочихъ, которыя ради своихъ частныхъ выгодъ измѣняютъ своему классу. Точно также всемірный пролетаріатъ существенно заинтересованъ въ томъ, чтобы да-

вать своевременный сильный отпоръ рабочему классу той или другой отдѣльной страны,—въ данномъ случаѣ Германіи,—когда онъ поступаетъ вопреки требованіямъ международной пролетарской солидарности. И чѣмъ яснѣе будетъ всемірный пролетаріатъ сознать не только свою конечную цѣль, но и условія необходимыя для ея достиженія, тѣмъ энергичнѣе и методичнѣе станетъ его борьба съ Streickbrecher'ами большого масштаба. Такимъ образомъ борьба эта послужитъ мѣрой успѣховъ его самовоспитанія.

Скажу откровенно: тактика, которой социалисты нейтральныхъ странъ держались въ теченіе послѣдней войны, показала, что процессъ самовоспитанія всемірнаго пролетаріата пока еще не подвинулся такъ далеко, какъ этого можно было желать и ожидать.

Наглядный примѣръ. Въ концѣ прошлаго года одинъ изъ самыхъ видныхъ и заслуженныхъ представителей итальянскаго социализма отстаивалъ въ парламентѣ тактику итальянской социалистической партіи въ военномъ вопросѣ. При этомъ онъ сказалъ, между прочимъ, что если бы Італія находилась въ положеніи Бельгіи, то всѣ итальянскіе социалисты сочли бы себя обязанными защищать свою страну; но ей не грозитъ непріятельское нашествіе, и потому они требуютъ, чтобы она оставалась нейтральной. Допустимъ, что это было правильно съ точки зрѣнія интересовъ итальянскаго народа, хотя совершенно ясно, что германская

побѣда даже и Италію поставила бы въ весьма невыгодное положеніе. Но я спрошу: гдѣ же международная солидарность? Неужели социалисту позволительно было вспомнить о Бельгіи исключительно только для иллюстраціи того соображенія, что «наша (итальянская. Г. П.) хата съ краю» ¹⁾.

При чтеніи иныхъ социалистическихъ органовъ нейтральныхъ странъ меня часто поражало сильно замѣтное въ нихъ желаніе непременно сохранить нейтральность даже въ отзывахъ о дѣйствіяхъ воюющихъ странъ. Желаніе это приводитъ подчасъ въ результатамъ, поистинѣ комичнымъ. Когда социалистическій нейтралитетъ quand même видитъ себя вынужденнымъ осудить то или другое кровавое безчинство германской арміи, онъ для равновѣсія спѣшитъ прибавить, что и французская армія ведетъ себя не лучше. При этомъ онъ забываетъ, что французская армія ведетъ войну не на чужой, а на своей собственной территоріи и уже по одному этому лишена возможности сжигать чужіе города, грабить населеніе враждебной страны и т. п.

¹⁾ Моя статья была уже написана, когда состоялось историческое засѣданіе итальянскаго парламента (20 мая). Устами Турати „официальные“ и итальянскіе социалисты заявили, что они требуютъ нейтральность, повинуюсь чувству международной солидарности. Странно! Если я остаюсь „нейтральнымъ“ при видѣ того, какъ одинъ человѣкъ душитъ другого, то я, можетъ быть, солидаренъ съ душителемъ, но ужъ совсѣмъ не солидаренъ съ душимымъ.

Старый интернаціоналистъ Ванъ Коль рѣзко протестовалъ въ голландской социалистической газетѣ «Het Volk» противъ позиціи такихъ нейтралитетовъ. Онъ спрашивалъ, почему социалистъ долженъ молчать, когда его чувство справедливости оскорбляется нарушеніемъ международного права и уничтоженіемъ международныхъ договоровъ, какъ это было въ Бельгіи. «Неужели, — говоритъ онъ, — мы не должны выражать свои симпатіи угнетеннымъ только для того, чтобы щадить угнетателей? Кто въ подобныхъ настоящему случаяхъ не протестуетъ всѣми силами души, тотъ самъ становится участникомъ преступленія, несетъ на себѣ отвѣтственность за совершаемыя жестокости и можетъ быть обвиняемъ въ нравственной распущенности. Подумайте объ этомъ, чтобъ не переусердствовать въ стремленіи сохранить нейтралитетъ, который можетъ только повредить международному социализму» ¹⁾.

Объ этомъ, дѣйствительно, стоитъ подумать. Товарищи, сохраняющіе нейтралитетъ между угнетателями и угнетенными, навѣрно, очень почтенные люди. Но эти, — навѣрно, очень почтенные, — люди ставятъ себя въ совсѣмъ не почтенное положеніе тѣхъ нейтральныхъ ангеловъ, о которыхъ говоритъ Данте въ третьей пѣснѣ своего «*Inferno*» и которые не возставали противъ бога, но и не были вѣрны ему:

Degli angeli che non furon ribelli
Ne fur fedeli a Dio...

Этихъ нейтральныхъ ангеловъ не принималъ ни рай, ни адъ. По словамъ руководителя Данта, Виргилія, ими не стоило и заниматься:

Misericordia e giustizia gli saegna,
Non ragioniam di lor, ma guarda e passa ¹⁾.

Такое положеніе совсѣмъ недостойно международныхъ социалистовъ, которые должны громче, нежели кто-нибудь, кричать противъ угнетателей и энергичнѣе, нежели кто-нибудь, отстаивать «внѣшнюю политику», основанную на простыхъ законахъ нравственности и права.

Кровопротііе—жестокое и страшное дѣло. Нѣтъ ничего естественнѣе желанія прекратить его, т. е. способствовать заключенію мира. Но это желаніе не должно дѣлать насъ несправедливыми. Когда угнетенный вступаетъ въ борьбу съ угнетателемъ, тогда требовать заключенія мира между ними—значить мириться съ угнетеніемъ.

Къ сожалѣнію, рабочій классъ нейтральныхъ странъ еще недостаточно уяснилъ себѣ это. Но то, что еще неясно понимается имъ теперь, будетъ понятно имъ впоследствии. Процессъ самовоспитанія всемірнаго пролетаріата еще не закончился. Необходимо помнить это, отмѣчая тѣ,

¹⁾ „Ими пренебрегаетъ и правосудіе, и милосердіе. Не будемъ говорить о нихъ: посмотри и иди мимо“.

несомнѣнно достойныя сожалѣнія, ошибки и слабости, которыя сдѣланы или проявлены рабочимъ классомъ нейтральныхъ странъ въ теченіе нынѣшней войны. Будемъ надѣяться, что скоро онъ самъ замѣтитъ ихъ и окажется на высотѣ призванія ко времени созыва будущаго международнаго социалистическаго съѣзда.

Но какъ бы тамъ ни было, а война показала намъ совсѣмъ не то, что международный социализмъ не имѣетъ подъ собою твердой почвы, а только то, и именно то, что всемірному пролетаріату надо еще усердно поработать надъ самовоспитаніемъ. Кто считалъ его самовоспитаніе законченнымъ, тотъ былъ утопистомъ,—хотя, можетъ быть, сто разъ въ день клялся Марксомъ,—и тотъ, разумѣется, можетъ теперь колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ. Скажу больше: колебавшись въ нихъ, онъ покажетъ, что и ему не чужда логика. А кто свободенъ отъ фантастики утопизма,—всегда состоящаго въ близкомъ родствѣ съ субъективизмомъ,—тотъ, на основаніи опыта военнаго времени, скажетъ себѣ одно:

Сдѣланное социаль-демократами до сихъ поръ оставило глубокой слѣдъ въ умахъ рабочихъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Но то, что сдѣлано, оказалось недостаточнымъ ни для предупрежденія войны, ни для выведенія пролетаріата нейтральныхъ странъ на правильную тактическую дорогу. Это значитъ, что нужно удвоить, утроить, учетверить усилія и постараться сдѣлать ихъ гораздо болѣе планомѣр-

ными, тѣмъ они были до сихъ поръ. Вотъ только и всего!

Можетъ быть, наша конечная цѣль дальше отъ насъ, нежели мы думали. Если это, въ самомъ дѣлѣ, такъ, то намъ непремѣнно придется считаться съ этимъ въ своей тактикѣ. Но все-таки это ровно ничего не говоритъ противъ достижимости нашей конечной цѣли. Будемъ же работать, помня, что до Палестины удалось добраться не тѣмъ крестоносцамъ, которые, по своему невѣжеству, при видѣ каждаго новаго города готовы были кричать: „Іерусалимъ! Іерусалимъ!“, а тѣмъ, которые знали географію.

„ОГНИ“

ИСТОРИЯ. ЛИТЕРАТУРА.

(Альманахъ).

СОДЕРЖАНІЕ:

I. А. Н. Веселовскій. *la bella Italia* и наши сѣверные туристы.—II. Добролюбовъ и Славутинскій въ ихъ перепискѣ.—III. Кн. Н. В. Голицынъ. Великая княгиня Екатерина и камеръ-лакей Андрей Чернышевъ.—IV.—А. А. Сиверсъ. Къ исторіи декабристовъ. Письма женъ декабристовъ о Вегелинѣ.—V. М. Э. Суперанскій. Матеріалы для біографіи И. А. Гончарова.—VI. Е. А. Ляцкій. Гончаровъ на фрегатѣ „Паллада“.—VII. З. Н. Гиппіусъ. „Судьба Аполлона Григорьева“.

СМѢСЬ. I. Тургеневъ и Некрасовъ (Замѣтка къ ихъ біографіямъ). Ч. Вятринскаго. — II. Изъ писемъ Н. А. Некрасова. 1) Къ Н. М. Щепкину.—2) Къ Е. П. Ковалевскому.—3) Къ О. М. Рѣшетникову.—4) Къ неизвѣстному лицу. — Сообщилъ и пояснилъ Ч. Вятринскій. III. Письмо декабриста Е. П. Оболенскаго къ Е. Н. Хвостовой. Сообщилъ и пояснилъ Б. Модзалевскій. IV. Бѣгство Наполеона изъ Россіи (письмо проф. X. А. Чеботарева). Сообщилъ и пояснилъ Б. Модзалевскій.

Цѣна 3 рубля.

А. А. КОРНИЛОВЪ.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПОЛЬШѢ

со времени раздѣловъ до начала XX вѣка.

Историческій очеркъ съ тремя картами.

Цѣна 80 коп.

Изд-во „ОГНИ“.

ПЕТРОГРАДЪ.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ и РОССІЯ.

Н. А. БОРОДИНА.

Товарища Предсѣдателя „0-ва сближенія между Россіей и Америкой“.

Авторъ дважды побывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, пишетъ на основаніи личныхъ наблюденій и новѣйшихъ литературныхъ источниковъ. Основное положеніе книги: между С.-А. Соед. Штатами и Россіей очень много чертъ сходства, съ одной стороны, и много общихъ интересовъ—съ другой. Поэтому, по мнѣнію автора, для русскихъ необходимо подробное ознакомленіе съ великой заокеанской республикой и болѣе тѣсное сближеніе съ ней.

Книга содержитъ обширный и свѣжій статистико-экономическій матеріалъ для общаго ознакомленія со всѣми сторонами промышленной, а также культурной жизни американцевъ. Цифровой матеріалъ иллюстрируется 29 диаграммами и картограммами. Книга снабжена картой Соединенныхъ Штатовъ, исполненной въ краскахъ. Стр. I—XII, 1—324.

Цѣна въ папкѣ 2 р. 75 к.—безъ папки 2 р. 50 к.

„Изд-во ОГНИ“.

ДЖОРДАНО БРУНО.

ИЗГНАНИЕ ТОРЖЕСТВУЮЩАГО ЗВѢРЯ.

Переводъ и примѣчанія АЛЕКСѢЯ ЗЛОТАРЕВА.

Цѣна 2 руб.

Изд-во „ОГНИ“.

ПЕТРОГРАДЪ.

Книгоиздательство и книжный складъ

„ОГНИ“

Петроградъ. Фонтанка 80.

Москва. Малая Никитская 29 (книг. „Задруга“).

Изъ каталога „Библиотеки Гражданина“.

1. В. В. Водовозовъ. Всеобщее избирательное право. Ц. 60 к.
2. В. В. Водовозовъ. Учредительное собраніе. Ц. 70 к.
3. Г. В. Плехановъ. Двѣ линіи революціи. Ц. 20 к.
4. Г. В. Плехановъ. Соціализмъ и политическая борьба. Ц. 90 к.
5. Г. В. Плехановъ. Основные вопросы марксизма. Ц. 1 р.
6. Г. В. Плехановъ. О войнѣ. Ц. 1 р.
7. Н. И. Каръевъ. Свобода вѣры. Ц. 25 коп.
8. М. Л. Усовъ. Евреи. Ц. 40 к.
9. А. М. Петряевъ. Проливы.—Съ картой проливовъ. Ц. 25 к.

Изъ каталога „Библиотеки Мемуаровъ“.

1. Записки Н. В. Басаргина. 1917. Ц. 3 р. 50 к.
2. Воспоминанія братьевъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ. 1917. Ц. 3 р. 50 к.
3. Записки Г. С. Винскаго. Мое время. Ц. 2 р.
4. Записки несчастнаго (В. П. Колесникова). Ц. 2 р.
5. Записки гр. Е. О. Комаровскаго. Ц. 3 р.

НИКИТСКАЯ И НИКИТСКАЯ

ОГНИ

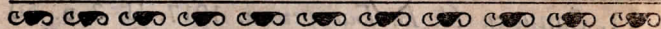
Петроград, Фонтанка 80.

Москва, М.Н.Н. 29 (Книж. Задруга).

Никитская и Никитская

Цена 1 рубль.

складъ изданія:

ПЕТРОГРАДЪ, К-ВО „ОГНИ“

ФОНТАНКА, 80, Т. 252 ~ 56.

МОСКВА, К-ВО „ЗАДРУГА“

М.НИКИТСКАЯ, 29.